

ЗВЕЗДА

Востока

5

СОЮЗ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ УЗБЕКИСТАНА

ТАШКЕНТ . 1947

ЗВЕЗДА Востока

Е Ж Е М Е С Я Ч Н Ы Й
Л И Т Е Р А Т У Р Н О -
Х У Д О Ж Е С Т В Е Н Н Ы Й
И О Б Щ Е С Т В Е Н Н О -
П О Л И Т И Ч Е С К И Й
Ж У Р Н А Л

ОРГАН СОЮЗА

СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ УЗБЕКИСТАНА

№ 5 | Объединенное изд-во „Правда Востока“ и „Кзыл Узбекистан“ | 1947

И

ЎЗБЕКИСТОН СОВЕТ СОЦИАЛИСТИК РЕСПУБЛИКАСИНИНГ ДАВЛАТ ГИМНИ

ШЕР — ТЕМУР ФАТТОҲНИКИ, МУЗИКА—М. БУРҲОНОВНИКИ

Ассалом, рус халқи, буюк оғамиз,
Ассалом, доҳиймиз Сталин, жонажон.
Озодлик йўлини Сиз кўрсатдингиз,
Советлар элида ўзбек топди шон.

Бўл омон, пахтакор ҳур Ўзбекистон,
Сен Шарқда нурафшон юртим, топ камол!
Советлар байроғи, зафар байроғи —
Доимо бахш этар сенга шон-иқбол.

Серқуёш ўлкада кўрмасдик зиё,
Дар'ёлар бўйида эдик сувга зор.
Барқ урди чин қуёш—Ленин доҳиймиз,
Йўллади Сталин—биз бўлдик бахтиёр.

Бўл омон, пахтакор ҳур Ўзбекистон,
Бадавлат, фаровон юртим, топ камол!
Советлар байроғи, зафар байроғи —
Доимо бахш этар сенга шон-иқбол.

Ил / фан нури-ла йўлимиз равшан,
Аб / ий қардошдир Совет халълари.
Бос инчи ёвларни этиб тору мор,
Бо / миз биз янги зафарлар сари.

Бўл омон, пахтакор ҳур Ўзбекистон,
Енгилмас, қаҳрамон юртим, топ камол!
Советлар байроғи, зафар байроғи —
Доимо бахш этар сенга шон-иқбол.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГИМН УЗБЕКСКОЙ СОВЕТСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

(Примерный стихотворный перевод)

О, привет тебе, Русь, братский наш народ,
О, привет тебе, Вождь, Сталин наш родной.
Ты к свободе пути проложил для нас,
Славу нашей стране дал советский строй.

Расцветай хлопка край, наш Узбекистан,
На Востоке зарей золотой сверкай.
Советское знамя победы,
Славой и счастьем страну осеняй.

В этом солища краю в тьме народ блуждал,
Он, живя возле рек, без воды страдал.
Ленин — солнце земли, людям свет принес,
Сталин к счастью повел, счастлив край наш стал.

Расцветай хлопка край, наш Узбекистан,
С плодоносной земли урожай собирай.
Советское знамя победы,
Славой и счастьем страну осеняй.

Мы лучами наук озаряем путь,
Наш Советский Союз вечным братством горд.
Всех захватчиков мы, всех врагов сметем,
И к победам вновь мы пойдем вперед.

Расцветай хлопка край, наш Узбекистан,
Все преграды сметай, наш геройский край.
Советское знамя победы,
Славой и счастьем страну осеняй.

Перевод С. Сомовой и
В. Луговского

Maestoso

Maestoso

Ас - са - лом,

рус

хал

қи

бу -

юн

о - фа - миз

Ас - са

лом,

до - хи

миз

Ста - лин - , ю - на - жон

ю - на - жон

о - зод - лин иу - ли - ни сиз

кур - сат - дин - ги - з

со - вет - лар

з - ли

да

93 -

бен

топ - ди

шон

rit.

♯♯ а tempo

♯

бул о-мон, пах-та-кор хур уз бе-кис-тон, сен шар.

да чур-аф-шон кор-тин топ ча-мол со-вет-лар бай-ро-фи, за-фар

бай-ро-фи до-ро бахш з-тар сен-га шон иң

таммлаш учуа (ф о (ф о) бол

бол 2 бер ку шон иң бол

♯

„ДВА ЧИНАРА“

Роман

Продолжение¹

КОЛХОЗ „ДВА ЧИНАРА“

Дехкяне, обрабатывавшие в качестве арендаторов земли, начиная от Наймана и до самого Острова царевича, заселяли пять больших и малых низин, следовавших одна за другой по берегу рски и составлявших все вместе один кишлак, носивший название Капсанчи. Часть капсанчей после того, как басмачи разрушили водокачки, подававшие из реки воду для этих земель, по немногу разбрелась кто куда. Оставшиеся на месте, хотя в те времена в народе уже говорили, что „земля принадлежит тому, кто ее обрабатывает“, не решаясь считать своей „недвижимость“, на которую нет „купчей крепости“, каждый год засевали эти земли кое-как — кто пшеницей, кто ячменем, и собирали урожай с большой опаской, будто совершали воровство.

В один год, это было незадолго до земельной реформы, разлилась река, и больше половины посевов капсанчей погибло от наводнения. В следующем году разразилась небывалая засуха, и все поля выгорели. Хотя советская власть и оказывала большую помощь, в эти годы разбежалась еще часть капсанчей, и в кишлаке после этого вместо пяти общин осталось только три: Два чинара, Лагушинный заповедник и Низина куги, которые были отделены друг от друга лишь невысокими холмами. Все оставшиеся капсанчи собрались в этих общинах потому, что земли здесь считались более удобными. Переселиться из одной общины в другую ни для кого

¹ См. „Звезда Востока“, № 1, 2-3 — 1947 г.

из капсанчей не составило особого труда, так как жилища их представляли из себя всего-навсего вырытые в обрывах землянки. Таким образом, перед земельной реформой в кишлаке капсанчей оставалось менее ста дворов. Землю, однако, получили не сто, а сто сорок один двор. Прослышав о земельной реформе, в кишлак вернулись те из откочевавших ранее капсанчей, которые перебивались неподалеку, в этой же округе.

Как только капсанчи обрели землю, они тут же обрели и язык. Они заговорили о воде. Считая, что не может быть положения более смешного, чем сидеть на берегу великой реки и выжидать, когда с неба упадет хоть капля влаги, они сами подсмеивались над собой, выдумывали всякие анекдоты и поговорки.

Активисты, выявившиеся во время земельной реформы и группировавшиеся вокруг кишлачного совета, обратились с заявлением сначала в районный исполнительный комитет, а затем в Управление водного хозяйства области. В тот же год поздней осенью из города к капсанчам прибыли две девушки и один старик; они с неделю ходили по полям, что то вымеряли, высчитывали и уехали. А вимой приехал сам председатель районного исполнительного комитета. Он осмотрел развалины водокачки в Низине куги, прежние, когда-то действовавшие арыки и предложил созвать на вечер собрание активистов. Прослышав, что речь будет идти о воде, на собрание пришли все — и старые и малые, и мужчины и женщины — весь кишлак. Площадка между четырьмя стенами разрушенной водокачки оказалась доотказа заполненной народом. Председатель сообщил, что районный исполнительный комитет, идя навстречу желаниям кишлачного общества, принял решение восстановить одну водокачку, что для этого уже выделены необходимые средства и в Ташкент послали человек за инвентарем и материалами. Хотя пытаться обеспечить водой, при помощи одной водокачки, нужды ста сорока одного хозяйства было равносильно попытке черпаком напоить верблюда, для капсанчей, которым даже зеленый лук приходилось покупать на базаре, и это было уже большой помощью. Услышав добрую весть, капсанчи были несказанно обрадованы. Молодые усердно хлопали председателю в ладоши, старики возносили за него молитвы. Когда председатель под конец призвал всех дружно взяться и быстро выполнить все, что потребуется от общества, капсанчи, как один, ответили: «Выполним!»

Первая задача, которую предстояло решить капсанчам, состояла в том, чтобы доставить к водокачке с места обжига тридцать пять тысяч штук кирпича и перевезти от Золотого родника двадцать арб песку. Капсанчи заявили, что они готовы перенести все это хотя бы на своих плечах. Однако, когда подошли к обсуждению второй задачи — подправить старые арыки и провести новые, причем не откуда-нибудь, а начиная от водокачки в Лягушином заповеднике, среди народа получился разброд. Все собравшиеся разделились на три группы, и каждая из этих групп желала, чтобы была восстановлена ближайшая к ее землям водокачка. Когда споры разгорелись, кто-то крикнул: «Чем строить в Низине куги,

лучше совсем не строить!“. В ответ послышался возглас из другой группы: „Если построят в Двух чинарах, мы ее по кирпичу разнесем!“

Но как бы там ни было, в конце концов все же было решено восстановить водокачку в Лягушином заповеднике. Внешне капсанчи пришли как будто к согласию и дали председателю районного исполнительного комитета слово закончить работу как можно быстрее.

Председатель кишлачного совета переписал имевшихся в кишлаке лошадей, ишаков, волов и через два дня начали возить кирпич и песок. Дело, однако, подвигалось очень медленно: не говоря уже о людях из Двух чинаров и Низины куги, даже те, что жили в Лягушином заповеднике, больше интересовались не количеством вывезенного за день кирпича или песка, а тем, чей конь, ишак, или вол сделал больше ходок, и каждый придумывал тысячи разных хитростей и уловок, чтобы его скотина была в работе как можно меньше. Председатель кишлачного совета ходил по дворам, беседовал чуть ли не с каждым в отдельности, упраскивал, но это мало помогало делу. Работа, рассчитанная на неделю, растянулась ровно на сорок шесть дней. А сколько было за это время скандалов! Трое из двухчинарцев даже ездили с жалобой в райком партии, но, прибыв в район, не смогли придумать, как и на что жаловаться, посидели на корточках у подъезда, пожевали нас¹ и вернулись ни с чем.

Как только была закончена доставка кирпича и песку, из района прибыли мастера-строители, и работа по восстановлению водокачки была начата.

При восстановлении арыков капсанчи показали себя еще менее дружными. Ни один из них, и в первую очередь люди Лягушиного заповедника, за пределами своего участка не желал лишний раз кетменем взмахнуть. Так как и это дело очень затянулось, то президиум районного исполнительного комитета счел необходимым послать на строительство своего представителя. Прибыв в кишлак капсанчей, он провел собрание активистов, разбил всю трассу на небольшие участки и, поставив во главе каждого участка активиста, вручил ему поименный список людей его бригады. После этого дело заметно двинулось. Во всяком случае, ко времени окончания работ по восстановлению водокачки арыки были готовы.

Торжество открытия водокачки превратилось в большой праздник. Молодежь веселилась, старики, расположившись в только что открытой чайхане, толковали о восстановлении других водокачек, о будущем кишлаке, дети сустились у арыков, пускали по воде лодочки и тут же закусывали черствым хлебом, макая его в пенящуюся, еще мутную воду. Все радовались, все были довольны, все казались друг другу чуть ли не родными, прежние ссоры и размолвки были забыты.

Этого согласия и дружбы хватило, однако, ненадолго. Весной

¹ Нас — жевательный табак.

среди капсанчей снова пошли раздоры. Один из жителей Лягушиного заповедника — он жил ближе всех к голове арыка — вздумал на участке, выделенном под овощи, посеять хлопок. По его расчетам, хлопок, который можно было вырастить на этом участке, должен дать дохода больше, чем все овощи и весь урожай в других местах надела, вместе взятые. Он хоть и опасался нареканий соседей, что на хлопок пойдет много воды, решил все же пойти на риск. Об этой затее узнал его сосед: он крепко обругал себя за то, что не догадался об этом раньше, и впопыхах засеял хлопком раза в два больше. Вслед за ним засуетился весь Лягушиный заповедник. Один очень расчетливый и рассудительный дехканин, приготовив семян целиком на весь свой надел, решил прежде испытать, что скажут люди из Двух чинаров и Низины куги, — смолчат или запротестуют. Он в один день обошел всех соседей. Вечером того же дня произошел большой скандал. Посеявшие хлопок вынуждены были дать обещание — сверх нормы не брать ни одного глотка воды. Такое условие заставило жителей Лягушиного заповедника задуматься. Многие отказались от посева вовсе, так как их наделы были на высоких местах, и хлопок там потребовал бы по меньшей мере семь—восемь поливов.

Когда хлопок подрос и стало видно, что он даст хороший урожай, тех из Лягушиного заповедника, что весной струсили, стала точить зависть. Стесняясь по-соседски сказать что-либо сами, они при каждом поливе натравливали на хлопкоробов жителей Двух чинаров и Низины куги. По этой причине произошло немало скандалов, а однажды дело дошло даже до кулаков.

Будто на зло всем остальным капсанчам, хлопок рос на удивление хороший. Хлопкоробы ходили за каждым кустом, как за малым ребенком. Соседи же, наоборот, всячески старались оставить хлопок без воды и, если даже вода им не требовалась, из за каждого полива поднимали скандал и лезли чуть не в драку.

Когда хлопок зацвел, хлопкоробы вынуждены были нарушить свое обещание „не брать ни глотка воды сверх нормы“. Последствия этого не замедлили сказаться: проснувшись однажды, они обнаружили, что изрядная доля хлопком на каждом участке сжата. Никак нельзя было подумать, чтобы на такое дело мог решиться кто-нибудь один. И действительно, к вечеру того же дня выяснилось, что в этом деле принимали участие семь человек, и все они оказались из Двух чинаров. В отместку чинарцам пострадавшие хлопкоробы в ту же ночь наполовину уничтожили их бахчи. Произошел очень большой скандал; из района приезжала специальная комиссия; дело дошло до суда.

И все же осенью, сняв хороший урожай, капсанчи ожили. Каждый из них чувствовал себя достигшим своих желаний и о лучшей жизни даже и не мечтал.

В это самое время началось колхозное движение.

В Острове царевича и Пяти козлах — в каждом по одному — организовалось два колхоза, и капсанчам было известно, что в колхозах земля и вода становятся общими, власть дает колхозам

тракторы и другие машины, колхозы сеют хлопок и получают большой доход, весь доход делится между членами колхоза... Однако никто из капсанчей, не сумевших в свое время сохранить согласие при одной общей водокачке, не мог себе и представить, как они будут жить, когда станет общей земля. К тому же со всех сторон стали приходить вести, будто каждый, кто вступает в колхоз, должен кинуть на общий круг все, начиная от земли, до дома с приусадебным участком, от жетмена — до рабочего скота, от козы — до курицы. А это капсанчам и вовсе не понравилось.

В один из дней из района прибыли представители и созвали капсанчей на общее собрание. На площадь у водокачки пришли все, даже больные. Один из представителей стал подробно описывать жизнь капсанчей в прошлом и, видно, хорошо знал историю кишлака, но его почти не слушали. Всем хотелось поскорее узнать, насколько верны ходившие в народе слухи, и все ждали, когда он заговорит о колхозе. Оратор заговорил о земельной реформе; он насмешил всех, напомнив, как некоторые вначале отказывались получать „из рук человека землю, которую не дал им бог“, потом сказал: „Вот, бывают такие люди — пока не возьмешь его за ухо и не ткнешь носом в еду, он и рта не раскроет“.

С собрания капсанчи разошлись повеселевшие и успокоенные.

Хотя многое им было еще неясно, большинство капсанчей чувствовали, что не вступить в колхоз, значило лишиться чего-то большого, многообещающего, но когда дело доходило до вступления, перед глазами каждого вставали то собственная молочная коза и рядом соседская — немолочная, то собственный двор с одним деревом урюка и рядом пустые дувалы соседского двора, и они начинали раздумывать. Ко всему этому каждый из них был убежден, что объединить такой недружный народ, как капсанчи, никакими путями невозможно, что, мол, лепешку из кукурузной муки еще кое-как слепишь, но колхоза из капсанчей никак не сделаешь. Кое у кого появилась мысль: „А что, если люди с равным имуществом, подходящие по характеру, соединятся, но не в колхоз, а так, вообще станут вместе землю обрабатывать?“ Однако от этой мысли они сами отказались, потому что в этом случае „трактор больше разъезжал бы от делянки к делянке, чем пахал землю“.

В конце концов — одни нерешительно, другие на риск, одни в уверенности, что „власть наша не начнет дела, которое было бы во вред дехканству“, другие, следуя примеру родственников, друзей, приятелей, — большая часть капсанчей вошла в колхоз. Вступать сообрались было уже и остальные, но в это время в Кишлаке Ходжей¹ вспыхнули беспорядки, и это напугало их, потому что вместе с кулаками против колхозов выступили и некоторые из дехкан-бедняков. Пока выяснилось, что выступление это ничто иное, как бунт кулаков-ходжей, использовавших в своих целях ошибки местных руководителей, оставшиеся среди капсанчей единоличники начисто оголили свое хозяйство: что можно было съесть — съели,

¹ Ходжа — потомок арабов-завоевателей.

что нельзя было съесть — распродали по дешевке. Бунт в Кишлаке Ходжей и такое поведение единоличников заставили призадуматься и колхозников. У них ни на что не поднимались руки, и они упустили самое горячее время весенних полевых работ. Из скудного урожая, какой получили капсанчи по осени, часть была разворована, потому что в колхозе не было учета, а остальное было разделено поровну на души. В результате, к концу зимы людям подтянуло животы, лошади скалили зубы при одном виде арбы, а остальная скотина стала такой, что не подними за хвост, не встанет. Такое положение среди колхозников вызывало недовольство, а среди единоличников рождало новые сомнения.

Недостаток продовольствия, который начал ощущаться еще в середине зимы, продолжался до самых тех пор, пока не созрел ячмень. К этому времени многие колхозники, забросив колхозные дела, занялись ловлей рыбы в реке и продажей ее на базаре в Холме святого. Председатель колхоза сам видел их на базаре и слышал, как они выкрикивали: „Эй, вот рыба, жирная рыба!“, но, стесняясь сказать что-либо по-соседски своим из Низины куги, он вынужден был молчать и перед другими.

Так как о сдельщине было объявлено поздно, а дело учета все еще продолжало хромать, то колхозники остались недовольны и в следующую осень. Распри, возникшие при распределении доходов, затянулись до половины зимы и кончились отстранением от должности председателя. Выборы нового председателя явились, однако, причиной еще больших раздоров. Колхозники снова разделились на три группы, и каждая группа желала иметь председателем своего человека. Так как споры затянулись надолго, то капсанчи сочли более подходящим обратиться в районные организации с просьбой о назначении им председателя со стороны. Районные организации рекомендовали им некоего Урман-джана Аманова.

Урман-джан Аманов — до этого председатель совета урожайности в колхозе „Красный дехканин“, организованном в Таволожьем Поле вскоре после земельной реформы из бывших батраков, был человеком, немало потрудившимся над тем, чтобы вывести свой колхоз из поры младенчества, какую теперь переживал колхоз капсанчей. Секретарь районного комитета партии Ахмедов вызвал к себе Урман-джана и, будто между прочим, спросил, знает ли он кишлак Капсанчи. Урман-джану приходилось слышать о кишлаке с таким диковинным названием, но самого кишлака он не знал. Ахмедов поведал ему всю историю кишлака, начиная от времен князя и ишана, подробно сообщил обо всех больших и малых событиях последнего времени и под конец сказал: „Мы вас наметили председателем колхоза в этом кишлаке“. Урман-джану не хотелось менять спокойное, обжитое место на новое, беспокойное, но он очень уважал Ахмедова и потому не стал противоречить.

Через неделю капсанчи, собравшись у водокачки, единогласно избрали Урман-джана своим председателем и с таким подъемом сами встретили это избрание, словно каждая группа торжество-

вала над своими соперниками. А через несколько дней Урман-джан, захватив самое необходимое в хозяйстве, переехал с семьей к капсанчам и поселился в Низине куги в полуразрушенном здании бывшей водокачки.

Помещения для правления колхоза не было. Канцелярия находилась там, где располагался, поджав под себя ноги, секретарь, имевший привычку писать с маленькой буквы фамилии людей, которые ему чем-нибудь не угодили. Дело учета было в руках счетовода, который почему-то всегда носил при себе рулетку и ходил с большими счетами, хотя сам на них считать как следует не умел. Складом заведывал непомерно толстый, но верткий и при хольбе по-кошачьему мягко ступавший человек по имени Таджи-бай. Капсанчи знали, что он не чист на руку, но молчали, считая, что он сторонний человек, и если и попользуется чем — ничего, пусть лучше попользуется сторонний". Только сочинили про него анекдот: "Таджи-бай, будучи ровно шести пудов и двенадцати с половиной фунтов весом, каждый день в полдень, будто бы, взвешивает себя на "ползучих весах". Если весы показывают ровно шесть пудов и двенадцать с половиной фунтов, он тихонько сходит с весов, поднимает глаза к небу, закрывает их, показывает белые зубы и трясет большим животом, иначе говоря, смеется; если же весы показывают меньше, он бледнеет, вбегает в амбар и тут же что-нибудь начинает есть."

Колхоз был похож на двор, куда только что переселился новый хозяин: все разбросано, люди разговаривают так, словно они устали и чем-то недовольны.

Урман-джан около десяти дней провел за тем, что днем объезжал и осматривал поля, а вечерами, чтобы иметь возможность побеседовать с колхозниками, особенно со стариками, сидел в чайхане. Первое время люди боялись разговаривать с ним открыто и когда он подходил, умолкали. Однако так продолжалось недолго. Вел он себя чинно, спокойно и уверенно, словно знал что-то такое, что не было известно капсанчам и, главное, в разговоре никогда никого не перебивал, особенно старших. Скоро в чайхане все стали собираться вокруг Урман-джана, и если он день два отсутствовал, даже скучали без его беседы.

Во время одной из таких бесед кто-то из присутствующих вспомнил о разливе реки, который был перед земельной реформой. Вода тогда залила свыше шести тысяч таналов посевов, и если бы из Ташкента не были в свое время доставлены двенадцать лодок, пожалуй, не обошлось бы и без человеческих жертв. Один старик рассказал, что в наводнение, которое случилось незадолго до германской войны, утонули две свиньи князя и один из капсанчей. Другие припомнили, что такие же наводнения были в год появления чумы, потом в тот год, когда белый палилах огнем из пушек сравнял с землей кишлак Тысячи холмов, и раньше. Урман-джан прикинул, и оказалось, что наводнения повторяются

¹ Десятеричные веса.

примерно через каждые десять лет. Иначе говоря, оно должно было повториться, если не в эту весну, то весной будущего года, и смести колхоз капсанчей, и без того, словно новорожденный ягненок, еле державшийся на ногах.

Урман-джан скрыл от других свою догадку и, никому ничего не сказав, на второй день с утра объехал и осмотрел весь берег реки, начиная от Низины куги и до Двух чинаров. В полуверсте выше Лягушиного заповедника он обнаружил две широких балки — одну шириной в сто пятьдесят, другую в две с лишним сотни шагов, — которые начинались у самого русла реки и, без всякого сомнения, служили выходом для полой воды. Чтобы перегородить эти две балки дамбами, надо было всему кишлаку капсанчей работать самое малое три месяца. Урман-джан тут же выехал в район и пошел прямо к Ахмедову.

Ахмедов встретил Урман-джана приветливо, но, когда он заговорил о предстоящем наводнении и о дамбе, резко вскинув брови, прервал его и сказал, что поднимать сейчас разговор о наводнении и о дамбе, значит нанести колхозу такой вред, какой не могло бы принести самое сильное наводнение. Оказалось, — ему было известно, что наводнения повторяются через каждые десять лет и, больше того, он знал, какую площадь залило и сколько принесло убытков последнее наводнение, и имел уже свои планы насчет строительства дамбы.

Прощаясь с Урман-джаном, Ахмедов напомнил: „В этом году о наводнении и дамбе и рта раскрывать нельзя!“ — и усмехаясь добавил: „А если колхоз будет оставаться в таком же положении и дальше, то нельзя будет сказать и в будущем году. Потому что люди голодные. А для голодного лучше trebuха под рукой, чем жирный курдюк вдалеке. Если вы сейчас станете говорить о дамбе, люди ваши забросят колхозные дела и все примутся ловить рыбу. Что им оберегать от наводнения? Землянки? Или посевы, которые сейчас приносят дохода меньше, чем рыбная ловля?“

Из района Урман-джан возвратился с новыми планами в голове. С неделю он обдумывал, готовился, потом созвал заседание правления колхоза. Первое, что он предложил, это засеять все земли Лягушиного заповедника хлопком, и второе — перестроить заново все колхозные бригады. Так как капсанчи уже много лет не сеяли хлопка, а большинство их не сеяло его вовсе то Урман-джан считал необходимым создать хлопководческие бригады из людей, хоть сколько-нибудь знакомых с обработкой хлопчатника, и поставить во главе их опытных стариков. Предложение о посеве хлопка все члены правления нашли очень подходящим, однако определение участка и создание хлопководческих бригад вызвали много споров. Все понимали, что земли Лягушиного заповедника самые подходящие для хлопка и что теперь в колхозе нет никаких причин для раздоров, и все же предложение использовать участок Лягушиного заповедника вызывало зависть у людей Двух чинаров и Низины куги. Когда стали составлять списки хлопководческих бригад, каждый член правления из всех сил старался

протащить в эти бригады своих знакомых, друзей, приятелей. Но, как бы там ни было, предложение Урман-джана в конце концов все же было принято. Предстояло обсудить этот вопрос на общем собрании.

Было совершенно очевидным, что определение участка¹ под хлопок и утверждение состава бригад, вызвавшие столько разговоров на правлении, на общем собрании явятся причиной еще более горячих споров. Втолковать всем простую истину, что доход будет все равно общим, где бы хлопок не посеяли и кто бы в хлопководческих бригадах не работал, было трудно. Поэтому Урман-джан, прежде чем созывать общее собрание, долго думал и наконец нашел выход.

Когда в кишлаке Капсанчи организовался колхоз, ему не было присвоено название. В официальных документах писали: „Колхоз Капсанчей“. Этим и решил воспользоваться Урман-джан. Дать колхозу новое название было необходимо. Снять с людей позорную кличку побирušек — разве это не должно было зародить у них надежду на лучшую жизнь! Урман-джан был уверен, что будет именно так. В то же время у него были и другие соображения. Урман-джан рассчитал, что, если он предложит назвать колхоз „Два чинара“, то этим удовлетворит самолюбие чинарцев и, в то же время, предупредит выступления людей из Низины куги, которые в общественных делах обычно следовали за жителями Двух чинаров. Так Урман-джан и сделал: на общем собрании он первым поставил вопрос о названии колхоза. Кто-то предложил: „Надежный“. Урман-джан не согласился. „Радость труда“ — предложил еще кто-то, но Урман-джан возразил: „Мы еще и не трудились как следует, и радости пока не видали“. Были и другие предложения, но Урман-джан под тем или иным предлогом все их отклонял. Наконец когда все умолкли, он предложил: „Два чинара“. Против такого названия выступил было один колхозник из Низины куги, но Урман-джан ехидно спросил у него: „Что ж, может быть, назовем „Низина куги?“ — и тем заставил его замолчать. После этого из Лягушиного заповедника и вовсе никто не решился заикнуться. В самом деле, не называть же колхоз „Лягушиным заповедником“. Таким образом, название „Два чинара“ было принято.

После этого Урман-джан поставил на обсуждение основные вопросы: организация посева хлопка на колхозном участке „Лягушиный заповедник“ и организация хлопководческих бригад. Оба вопроса прошли так гладко, что члены правления, которые участвовали в предварительном их обсуждении и готовились выступить в защиту предложений Урман-джана, были смущены — в их выступлениях не оказалось никакой надобности.

Капсанчи еще никогда не были такими дружными, и это принесло свои плоды во время осенних работ. Чтобы поддержать у колхозников уверенность в хороших результатах начатого дела, Урман-джан в качестве „первой лепешки из только что замешан-

ного теста" получил согласно договора аванс и тут же раздал его колхозникам.

Люди стали более организованными, сплоченными, дело было начато. Теперь надо было руководить этим делом, навести порядок в колхозном хозяйстве. Нужно было подобрать работоспособное правление, гибкий аппарат. Этими вопросами Урман-джан занимался все лето. Он так поставил работу правления, что два его члена, не справившись с возложенными на них обязанностями, сами подали заявления с просьбой их освободить. Секретаря, счетовода и еще несколько человек из молодежи Урман-джан отправил на шестимесячные курсы, взяв на это время всю тяжесть работы на свои плечи.

Именно в эти трудные дни, возвратившись как-то к себе домой, Урман-джан узнал, что заводящий складом Таджи-бай доставил ему на дом барана и отрез бекасама¹. Урман-джан усмехнулся и, тут же вызвав к себе Таджи-бая, сказал ему: „Бекасам свой носите сами. А барана кормите до осени. Хорошенько кормите! Когда снимем урожай, устроим той, и тогда вы его своими руками зарежете. Это — первое. Второе: с сегодняшнего дня вы освобождаетесь от заведывания складом, ключ от амбара передайте Эгамберды. Третье: я вам дам еще двоих таких же, как вы, крепких йигитов, вторым вы должны до осени заготовить вот в этих зарослях пятьсот сорок саженой дров. Только смотрите, не рубите в разных местах, а рубите подряд, чтоб земля освобождалась. На будущий год нам потребуется площадь под пшеницу. Поняли? Пятьсот сорок саженой!“

Таджи-бай не посмел даже рта раскрыть, забрал бекасам, барана и ушел.

По осени баран Таджи-бая действительно пригодился: капсанчи после снятия урожая справили той и, безусловно, имели для этого все основания — они крепко потрудились весну и лето, зато и урожай сняли против прежнего невиданный.

Через день после той Урман-джан выехал в район. Председатель районного исполнительного комитета поздравил Урман-джана с хорошим урожаем, извинился, что не смог приехать на той, и протянул ему пачку газет. Перелистывая газеты, Урман-джан увидел в одной из них большую статью под крупным заголовком: „Наводнение“. В статье говорилось о повторяющихся через каждые десять лет разливах реки в районе кишлака капсанчей, о том, что предстоящее наводнение может затопить почти все посевы колхоза „Два чинара“ и много посевов соседних колхозов и принести им большие убытки. Сообщая о мерах, предпринимаемых местными властями по борьбе с паводком, газета призывала колхозников сельхозартелей „Два чинара“, „Рабочий“, „Пятилетка“, „Красная сила“ и „Путь Ленина“ принять участие в строительстве дамб.

¹ Бекасам — полушелковая ткань кустарной выделки с разноцветными продольными полосами.

Когда Урман-джан, возвратившись к себе, созвал общее собрание и зачитал эту статью, старики, выдавшие на своем веку не одно наводнение, в один голос заявили: „Эту газету выпустил человек со здоровыми мозгами, все, что в ней сказано, правильно!“ Собравшиеся приняли решение: выйти на хошар¹ дружно, всем колхозом.

Работа по возведению дамбы была начата после распределения доходов и закончена следующей весной перед выходом на пыхоту. Дело это оказалось очень трудным, и колхозникам пришлось перенести за зиму немало невзгод.

Тут-то некоторые из капсанчей не выдержали и покинули колхоз. Люди настолько устали, что после окончания строительства дамбы даже никакого торжества не было устроено. Одышко праздник начался сам по себе, когда через полтора месяца в реке стала подниматься вода. В тот день все жители кишлака капсанчей вышли на дамбу и веселились до самой полночи. У ног их тихо несла свои воды покоренная река.

Приподнятое настроение, которое родилось после этой победы, сохранялось в течение всего лета. Каждый из колхозников, где бы и чем бы он ни был занят, чувствовал себя в силах преодолеть любую трудность, выполнить любое дело.

Зимой районный исполнительный комитет и районный комитет партии вынесли решение о строительстве канала. Канал должен был дать воду не только капсанчам, но и еще одиннадцати колхозам округи. Это решение придало людям уверенность в том, что „солнышко скоро и в самом деле пригреет им спины по-настоящему“, и они, наконец, выберутся из своих нор на поверхность земли, которая станет обильной и щедрой, и поэтому весной, когда начались работы по строительству канала, на хошар из одиннадцати колхозов в первый же день вышло две тысячи триста человек. Люди работали с таким увлечением, с такой энергией, какой не ожидал ни один из колхозных руководителей. Каждый человек, работал ли он кетменем, носил ли он землю носилками или мешком, труился так, словно торопился откопать клад.

К тому времени, когда в колхоз пришел Сыдык-джан, канал был уже почти готов. Оставалось на неделю работы на плотине.

К НЕЗНАКОМОМУ КОНЮ СЗАДИ НЕ ПОДХОДИ

На рассвете жена председателя разбудила Сыдык-джана и сказала, что Урман-джан прислал за ним человека. Сыдык-джан вскочил с кровати и, хотя под навесом было еще темно, постеснявшись, как бы женщина не увидела его с заспанным лицом, поспешил выйти наружу, даже не спросив, где находится Урман-джан.

Снаружи Сыдык-джана поджидал мальчик лет десяти-двенадцати. Мальчик, как только увидел его, молча повернулся и зашагал

¹ Хошар — общественная помощь.

к дороге. Протирая полый яхтак¹ глаза, Сыдык-джан направился за ним.

По дороге, которая пролежала между густыми зарослями камыша и мелколесья, они через некоторое время вышли на пологий холм. Перед глазами Сыдык-джана открылась довольно обширная долина, окруженная грядой высоких и низких холмов, по склонам которых тянулся невообразимый лабиринт горбатых старых дувалов; между дувалами виднелись покосившиеся камышевые крыши, одиноко торчали редкие деревья, зияли черные провалы разрушенных землянок. Сыдык-джану вспомнился рассказ Курбан-ата о кишлаке капсанчей и он стал приглядываться ко всему более внимательно. В жидком утреннем тумане каждая из хижин, уютившихся между дувалами, казалась ему еще более неприглядной и жалкой, чем даже землянка Фарманкула в описании старика. И когда Сыдык-джан подумал, что, оставшись в этом колхозе, он вынужден будет жить в одной из таких хижин, по телу его пробежала дрожь.

Когда они спустились с холма из-за сложенных неподалеку от дороги бунтов бердан и штабелей леса заржал конь. Через минуту оттуда показался Урман-джан.

— Хош-хош,² — встретил он Сыдык-джана. — Ну как, выспался? А если и не выспался, — ничего. Довольно быть гостем. Надо немного помочь. Людей нехватает. Кто на арыке, кто на поле... Отвезешь тарчи к плотине. Хорошо?

Сыдык-джан не успел раскрыть рта, как из-за бердан и штабелей леса выехал на арбе пожилой, лет пятидесяти, человек с маленькой козлиной бородкой, одетый почему-то в черный яхтак. На арбе лежало несколько мешков — полных и занятых наполовину — и много всяких узлов и узелков. Человек в черном халате сошел с коня, поздоровался с Сыдык-джаном и протянул ему камчу.

Сыдык-джан стоял, не зная, что делать.

— Ну, садись, — сказал Урман-джан, заметив его нерешительность. — Поедешь прямо по этой дороге. Сейчас ты в Нязине куги. Немного проедешь, — будет другой наш город — Лягушинный заповедник. За ним — развилка. Ты повернешь налево. Немного проедешь, — будет третий наш город — Два чинара. Там у дороги тебя поджидает одна женщина. Она поедет с тобой дальше. Если навстречу попадетсся трактор или автомобиль, сейчас же сворачивай с дороги, слезай с коня и покрепче бери его под уздцы.

Возразить что-либо человеку, который доверял ему лошадь, арбу и столько добра, Сыдык-джан постеснялся. Он сел на коня и выехал на дорогу.

— Я тебе и дом уже подыскал! — крикнул ему вслед Урман-джан. Сыдык-джан резко обернулся.

— Какой, где? — спросил он испуганно.

— В Лягушином заповеднике! Лягушинный заповедник — место

¹ Яхтак — легкий халат без подкладки.

² Хош хош — так-так.

хорошее, по дороге сам увидишь. Поезжай, дом я тебе потом покажу!

Сыдык-джан так растерялся, что не нашел что ответить, и стегнул камчей коня.

На востоке запылала зари. Затем первые лучи солнца подкрасили край облака, которое темнело на горизонте, и берег реки. Далекое плоскогорье за рекой зазеленело, тени на нем приняли голубоватый оттенок. Потом поднялся ветер, затрепетали листья на кустарнике, заколыхалась трава у дороги, по начинавшему желтеть ячменному полю пошли волны. Сыдык-джан, однако, ничего этого не видел. Занятый своими мыслями, он не заметил даже, как миновал Лягушиный заповедник. Понял он это только тогда, когда копыта коня и колеса арбы застучали по досчатому мосту на выезде из кишлака.

Сыдык-джан не собирался ни оставаться в колхозе, ни жить в доме, который выбрал для него Урман-джан, и все же ему захотелось посмотреть эти места. Он остановил коня и, привстав на оглоблях, оглянулся. Лягушиный заповедник, как и говорил Урман-джан, в самом деле выглядел более благоустроенным, чем Низина кути. Деревьев здесь было гораздо больше; обрушившихся землянок не видно. В центре низины виделось похожее на большую беседку строение с белыми колоннами, разукрашенными кумачом, — видно красная чайхана.

Подумав о чайхане, Сыдык-джан вспомнил, что еще не пил чая, и почувствовал голод. В поисках чего-либо съедобного он перебрался на арбу и принялся ощупывать мешки и узлы. В одном мешке оказалась кукуруза, в другом — бобы; затем полмешка муки, мешок огурцов; в большем узле была старая поношенная обувь, в другом, поменьше — стиральное белье, в мелких узелках были нас, курительный табак, мыло и много других мелочей; в небольшой сумке оказалось штук пятьдесят плиток фруктового чая и, наконец, в сумке побольше — с пуд сахарного песка. Сыдык-джан зачерпнул пригоршню сахара и высыпал его в рот. Сахар тотчас растаял, сладкая слюна, несколько не утолив голода, проскользнула в горло. Сыдык-джан зачерпнул вторую пригоршню. Когда он во второй раз подносил сахар ко рту, у него промелькнула мысль: „А что, если отсыпать в платок фунтов пять-шесть и припрятать, а на обратном пути забрать?... Все равно я здесь не останусь, а пять-шесть фунтов сахару всегда пригодятся.“

Сыдык-джан свернул с дороги, остановил арбу в укромном месте и развязал кушак. Тут в каком-то уголке его души будто шевельнулось что-то и напомнило: „Как можешь ты делать подлость человеку, который доверил тебе лошадь сарбой и столько добра?“ Сыдык-джан уже рздумал было брать сахар, но в это время на память ему пришла женщина, которая поджидала его в Двух чинарах, и оправдание нашлось само собой. „Думаешь, Урман-джан доверил тебе? Он знал, что до Двух чинаров ты никуда не денешься, а там поставил сторожить эту женщину.“ Мысль эта вызвала в душе Сыдык-джана чувство недоброжелательства к Урман-джану и же-

лание отомстить ему. Теперь сахар надо было взять уже не ради удовлетворения своей жадности, а скорее ради удовлетворения самолюбия, в отместку за недоверие. Не ограничившись сахаром, Сыдык-джан поэтому прихватил еще и две плитки фруктового чая. Завязав все это в платок, он сошел с арбы и, перепрыгнув через арык, направился к большому тутовому дереву, намереваясь спрятать узел между ветвями. Вдруг ему вспомнились слова жены Урман-джана: „Пойдем срезать тутовые листья“ и, хотя Сыдык-джан помнил, что та собиралась срезать листья прошлой ночью, ему показалось, будто к туту вот-вот должна подойти целая толпа женщин с ножами. Сыдык-джан оглянулся. Шагах в двадцати от дороги стоял стог клевера. Он подбежал к стогу, спрятал узел между снопов, потом так же быстро вернулся к арбе и, нетерпеливо пощупав коня, поспешил выехать на дорогу.

Через некоторое время Сыдык-джан поднялся на холм, густо поросший мелким кустарником. С холма была видна развилка дорог, а за ней кишлак, судя по словам Урман-джана — Два чинара. Повернув у развилки налево, Сыдык-джан вскоре заметил женщину, сидевшую на пеньке у дороги. Увидав арбу, женщина встала. Это была довольно симпатичная среднего роста молодка лет, самое большее, двадцати пяти. Одета она была в бордовое платье и, поверх платья, в черного цвета безрукавку; туго подвязанный темно-зеленый платок плотно облегал загорелое лицо и казалось, что именно эти цвета, именно этот наряд были больше всего ей к лицу. Сыдык-джан догадался, что это была та самая женщина, о которой говорил Урман-джан, но все же, придержав коня, спросил:

— Невестка, этот кишлак — Два чинара?

— Если вы Сыдык-джан, то это и есть Два чинара, — ответила женщина, ставя ногу на спицу колеса и ловко взбираясь на арбу.

Чтобы хорошенько разглядеть свою спутницу, Сыдык-джан, будто хотел показать ей более удобное место, обернулся. Молодка прошла между мешков и, усевшись на передке, открыто взглянула на Сыдык-джана.

— Я вышла еще затемно, — сказала она и улыбнулась.

— Я тоже вышел затемно, — сам не зная для чего проговорил Сыдык-джан, всматриваясь в лицо молодой женщины.

Не выдержав его взгляда, молодка опустила глаза.

— Что ж, поехали, — сказала она негромко.

Сыдык-джан заставил себя отвернуться и тронул повод. Конь зашагал, лениво переставляя ноги.

Они долго ехали молча. По одну сторону дороги до самой реки тянулся густой колючий кустарник; то там, то сям из него проглядывали голые вершины песчаных холмиков. По другую — почти сплошь посохшее корявое мелкоколесье, заросли которого изредка рассекались узкими полосками богарной пшеницы. Эта картина, видно, напомнила молодой женщине о нехватке воды в Двух чинарах. Откуда и зачем прибыл к ним Сыдык-джан ей, похоже, не было известно. Почему-то посчитав его за колхозника, она спросила:

— В вашем колхозе воды много?

Сыдык-джан молча усмехнулся, затем, не оборачиваясь, ответил:

— Очень много!

— Сколько же вы сеете хлопка?

— Хлопка? Хлопка мало...

— Вай, а почему?

— Мы сеем пшеницу, ячмень, рис...

Молодка фыркнула:

— А сеяли когда-нибудь хлопок? Знаете, что такое хлопок?

Сыдык-джан, усевшись в полоборота, взглянул на молодку.

— А вы хлопок сеете?

— Еще бы! Сейчас мы пятую часть всей земли хлопком засеваем. А когда арык закончим, всю землю под хлопок займем. МТС новые земли распашет, и их засеет. Братец Урман-джан уже послал в андижанские колхозы двадцать человек, чтобы они научились за хлопком ходить.

Сыдык-джану, который привык видеть женщин всегда печальными, недовольными своей судьбой и считавшему, что именно это является признаком женственности, женской прелести, не понравившись жизнерадостности и уверенности, с какой говорила молодая женщина о мужских делах. Сам не зная почему, он посчитал ее за старую деву, в свое время чем-то оттолкнувшую от себя мужчин и потому не сумевшую выйти замуж.

Они подъехали к развилке.

— Куда сворачивать? — спросил Сыдык-джан.

— На правую руку, — ответила молодка.

За развилкой в ушах зазвенело чириканье воробьев. Оно доносилось со стороны огромного тутового дерева, стоявшего у дороги.

— Тутовника не отведаем? — спросил Сыдык-джан и почему-то остановил коня, хотя до тута было еще довольно далеко.

Молодая женщина посмотрела на густо напизанные на ветки жемчужные ягоды тута.

— Как жалко, паласа нет! — воскликнула она. — Разосглать бы и тряхнуть дерево!

Сыдык-джан остановил арбу под самым тутом.

Воробьи кричали изо всех сил, шиырали между ветвей, ягоды осыпались на землю, разбивались, истекали соком. Сыдык-джан встал на оглобли и нагнул большую ветку. Молодая женщина вскочила с места, сделала попытку схватить ее, но никак не могла дотянуться. Чтобы наклонить ветку еще ниже, Сыдык-джан по оглоблям перебрался на арбу.

Первые две-три горсти он съел сам, затем, собрав еще одну горсть, обернулся к молодке. Стоя к нему спиной, та с аппетитом поедала ягоды, не замечая даже, что с головы у ней свалился платок. Сыдык-джан протянул руку под самым ухом женщины и поднес горсть прямо ей ко рту. Взглянув через плечо, молодка блеснула ровными белыми зубами.

— Ешьте сами...

— Берите, берите!

Не желая обидеть Сыдык-джана прямым отказом, молодая женщина решила отделаться шуткой. Она как-то по-детски выпятила губы и протянула:

— Н-е-е-т!

Это очень понравилось Сыдык-джану. „Ага, вон ты какая!“ — подумал он и окинул молодую женщину взглядом с головы до ног. Теперь молодка уже казалась ему не старой девой, отпугивающей мужчин своей холодностью, а бесподобной красавицей, по которой с ума множество молодых йигитов. Реденькие завитки волос между ухом и затылком женщины показались Сыдык-джану до того красивыми, что у него явилось желание поцеловать ее в это место. Поцеловать, однако, он не осмелился, а только взял две-три волосинки пальцами и легонько потянул на себя.

— Вай! — вскрикнула молодка, затем, обернувшись, нахмурилась: — Что вы делаете?

Но хмурилась она как-то по-детски мило, в голосе ее вовсе не слышно было гнева, поэтому Сыдык-джан еще раз протянул руку к завиткам и рассмеялся:

— А вам что до того?

— Вай!

Молодая женщина оттолкнула руку Сыдык-джана и снова потянулась к ветке тута. Как и в первый раз, в ее возгласе не было слышно ни гнева, ни решительного протеста. Это придало Сыдык-джану смелости.

— Подарите мне вашу шейку!..

Молодка даже не обернулась.

— Вам и своя, видно, лишней кажется, — проговорила она с усмешкой.

В шутку ли это было сказано или всерьез, Сыдык-джан не понял. Бессознательно продолжая собирать ягоды, он спросил:

— Оху! Что же это за палач такой, чтоб мог мне шею сломать?

— Мой муж.

— У вас есть муж?!

— А вы не женатый?

Сыдык-джан хотел было сказать „нет“, но тут перед его глазами встал ребенок.

— Был женат, — ответил он нехотя.

— Развелись?

— Развелся.

— Вон как, а дети есть?

— Есть, сын есть.

— Если так, вы еще вернетесь к жене.

Сыдык-джану показалось, что в голосе молодки прозвучало разочарование, и он поспешил заверить:

— Если и вернусь, так только на поминки. Да, на поминки!

Молодая женщина взглянула на него так, словно хотела сказать: „Чем молить о смерти для другого, лучше помолись о жизни“.

для себя! — и попыталась нахмуриться, но этого у нее не вышло, и она рассмеялась. Поспешность, с какой ответил Сыдык-джан, так рассмешила ее, что она, не в силах удержаться на ногах, с хохотом опустилась на мешок.

Сыдык-джан торопливо, словно женщина могла лишиться чувств и свалиться, если ее не поддержать, подсел к ней с левой стороны и, протянув руку, обхватил за плечи:

— Чему вы смеетесь?

Молодая женщина расхохоталась еще больше. Сыдык-джан крепко сжал ей плечи и поцеловал в щеку. Молодка резко вскочила. Лицо ее побледнело, в глазах отразилось удивление и даже страх.

— Э-ха! — проговорила она и, с опаской поглядывая на Сыдык-джана, протянула руку за платком.

На лице Сыдык-джана появилось что-то, скорее похожее на бессмысленную гримасу, чем на улыбку.

— Я — ничего...

— Это что такое?..

Сыдык-джан сделал попытку обратить все в шутку или, во всяком случае, несколько сгладить свою грубость.

— Это... поцелуй, — ответил он и, чтобы скрыть смущение, низко наклонился, делая вид, что протирает глаз.

Молодая женщина нервно повязала платок, подобрав подол платья, присела на мешок, затем кивнула в сторону коня.

— Идите, садитесь...

Сыдык-джан еще раз попытался рассмешить женщину.

— Не пойду и не сяду, — проговорил он упрямо.

— Кто вам сказал, что женщины Двух чинаров такие? Или это потому, что я с вами говорила открыто, не стесняясь? Если так, — бедные женщины в вашем колхозе! Если женщины станут пугаться каждого мужчины, а мужчины не будут доверять друг другу, какой же колхоз может быть?

Перед глазами Сыдык-джана почему-то возник Урман-джан. Ему показалось, что это вовсе не молодка, а председатель колхоза стоит перед ним и говорит ему эти самые слова. Он сидел молча, не смея шевельнуться, а на лбу и на кончике носа у него блестели капельки пота.

Молчание затянулось. Его нарушило послышавшееся откуда-то сверху шипенье и уханье удода. Молодая женщина взглянула на Сыдык-джана, и гнев ее прошел.

— Чудно! — проговорила она уже без всякого гнева и усмехнулась. — Совесть у вас есть? Если все мужчины будут такими, как вы, что тогда из колхоза получится? Если бы и мой муж также поступил с вашей женой, вам это понравилось бы?

— Я думал, у вас нет мужа, — проговорил Сыдык-джан, не поднимая глаз и в смущении почесывая лоб.

— Э-э, значит, женщину можно уважать только при муже? А если мужа нет, выходит — каждый может ее ногами топтать? Вот вы оставили свою жену, значит, теперь все могут таскать ее по ру-

нам, что козла на улаке?¹ Заберется к вам в дом какой-нибудь грубиян, а сынишка ваш будет стоять под дверью и плакать... Очень красиво будет!

Конь, защищаясь от слепня, резко вскинул задом. Сыдык-джан, сделав вид, будто испугался, что конь сейчас понесет, метнулся по оглоблям и прыгнул в седло. Конь вздрогнул от неожиданности и в самом деле рванул арбу.

Долгое время они ехали молча. Затем молодка попросила нож, очистила два огурца и один из них на кончике ножа протянула Сыдык-джану.

— Вот, покушайте, — предложила она.

Сыдык-джан готов был провалиться сквозь землю: молодая женщина только что стыдила его, а теперь вот протягивает огурец! Вглядываясь в дорогу с таким видом, будто при малейшей небрежности с его стороны арба могла свалиться в пропасть, он, не оборачиваясь, пробормотал:

— Благодарствую... Не беспокойтесь!..

— Вы обиделись?

— Нет, за что... Вы ничего обидного не сказали.

— Взгляните-ка сюда!

Сыдык-джан нехотя обернулся.

— За что мне обижаюсь, — пробормотал он, краснея.

— Берите, если так, не огорчайте меня отказом!

Сыдык-джан взял огурец и тотчас отвернулся.

— Я вовсе не хотела сказать, что вы дурной человек, — заговорила молодая женщина, принимаясь чистить новый огурец. — Если бы вы были дурным человеком, вы могли бы сделать со мной все, что хотите. Степь такая — ворона не пролетит, вы здоровенный йигит, у пояса нож, да еще с такой, из слоновой кости, ручкой... Я на вас не обижаюсь. Не вы в том виною, а наши старые обычаи. У нас, узбеков, женщина бежит от всякого постороннего мужчины, а мужчина, если к тому представляется случай, пытается задеть любую женщину. Не знаю только, потому ли им хочется задеть, что женщины их избегают, или женщины потому избегают, что те их задевают?

— Вы же говорили, что в вашем колхозе мужчины доверяют друг другу, а женщины мужчин не стесняются?

— В колхозе другое дело. В колхозе люди становятся такими, будто они выношены в одном чреве... Я все это к примеру говорю. У нас было так: женщина, если она встретит застенчивого мужчину, в душе посмеется над ним, а мужчина, если ему повстречается женщина, которая не делает вида, что стесняется, обязательно подумает, что она испорченная. Вот у русских, у них совсем не так, оказывается. На нашей водокачке есть немало русских. В прошлом году взобралась я как-то на дерево нарывать листьев для червей и никак не могу слезть. Подходит Анд-

¹ Улак — козлодрание.

рей. Смотрю — он руки протянул, хочет помочь мне сойти. Вай, подохнуть тебе! — напугалась я и кинулась с дерева. Чуть ногу не сломала. А Андрей с чистой душой человек, у него и в мыслях не было такого, и он никак не мог понять, почему я бросилась с дерева, даже не подумав, что могла из-за этого стать калекой...

Они миновали заросли тамариска. Подпрыгивая на кочках, арба со скрипом выехала на открытое место. Здесь проходил канал. Дорога шла над каналом и уходила вдаль, к самому горизонту, где маревом дымилась река.

— Смотрите, — сказала молодая женщина, — если на эти земли вывести воду, во всем районе даже туваки¹ к зыбкам из золота подвешивать будут.

Сыдык-джан был рад, что женщина перестала его стыдить и поспешил поддержать разговор.

— Да, да, — согласился он и, хоть догадывался сам, спросил: — Эти места уже не чинарские, а?

— Нет, но безводных земель и у нас много.

— А удобной земли хватает?

— Земли, сколько ни будь, все равно кажется, что нехватает.

— Смотря сколько у вас людей.

— Почему только людей?

— А на кого же еще можно рассчитывать, чтобы справиться?

Молодка искривила губы.

— Что у вас за колхоз такой? Вы, похоже, и трактора еще не видали? Для чего тогда власть советская выпускает тракторы, машины-ураки,² автомобили? Для чего она тогда открыла МТС? Знаете, сколько трактор вспахивает земли за день? Трактор — это не вол!..

Сыдык-джан вспомнил, как он сконфузил себя перед Курбан-ата, и промолчал.

Когда арба, круто свернув влево, миновала перекинутый через канал временный мост, вдаль у реки показались несколько шалашей, затем продолговатый земляной холм и фигурки людей у его подножья. Сыдык-джаном начало овладевать беспокойство. Беспокойство это нарастало с каждым шагом лошади. Ему казалось: как только арба подойдет к месту и остановится, молодка завопит во весь голос и примется рассказывать всем, что с ней произошло в пути.

Строения, издали казавшиеся небольшими шалашами, струдившимися у самой реки, оказались большими навесами, расположенными на порядочном расстоянии друг от друга и много ближе реки. Сыдык-джан остановил арбу у открытого с трех сторон навеса, указанного ему молодкой. Четвертая — западная — сторона навеса была защищена тонкой камышовой загородкой. Под защи-

¹ Тувак — посудина (судно), подвешиваемая под зыбку.

² Урак — серп, машины-ураки — жнейки.

той загородки были сложены всевозможных цветов одеяла, глиняная и деревянная посуда, а также разные мелочи хозяйственного обихода. В нескольких шагах от навеса стояла копна ян-така и рядом очаг с огромным котлом, у которого сидела на корточках женщина средних лет. Увидев подъехавшую арбу, женщина поднялась и, вытирая на ходу руки о фартук, заспешила к прибывшим. Она поздоровалась с Сыдык-джаном, указала под навесом место, где надо было сложить груз, а сама заговорила о чем-то с молодой. Сыдык-джан принялся переносить мешки. Стара-ясь по виду определить, о чем говорят женщины, он часто по-глядывал на беседующих, и сердце его вздрагивало каждый раз, как только на лице у кого-нибудь из них появлялась улыбка. Жен-щина возвратилась, наконец, к очагу и занялась своим делом. Она чистила рыбу. Молодка прошла под навес, налила в жестяной чай-ник кипятку из большего самовара, заварила чай, затем, рассте-лив дастархан, позвала Сыдык-джана:

— Выпрягайте коня, Сыдык-джан-ака, и проходите сюда. Вы, видно, и чаю еще не пили.

Сыдык-джан распряг коня, отряхнул рукава и полы яхтака и, шагая осторожно, словно боясь, что под ним вот-вот провалится земля, прошел под навес. Молодка принесла три лепешки, две-три горсти сушеного урюка, затем принялась наливать чай. В это время вдаль показался какой-то мужчина.

— Это Балта-бай, — сказала молодка, протягивая Сыдык-джану пиналу с чаем и вставая навстречу мужчине.

— Кто он?

— Мой муж...

Сыдык-джан невольно вскочил на ноги.

— Сидите, сидите!

Слова молодки, однако, не достигли цели. Только к тому вре-мени, когда Балта-бай вошел под навес, Сыдык-джан кое-как сумел справиться с собой.

Балта-бай оказался стройным, среднего роста мужчиной с чер-ным, как у цыгана, лицом, обрамленным черной же бородой, которая очень шла ему. Он видно был человек открытого, весе-лого нрава, так как тут же, обращаясь к молодке, пошутил:

— Придется, наверное, мне заново жениться и взять жену та-кую, чтобы сама догадывалась, когда мужу нужен нас. Или на этот раз привезла?

Не ожидая ответа от жены, Балта бай протянул руку Сыдык-джану. Тот ответил на приветствие, но при этом не мог удер-жаться от мысли: „Каким гневом загорятся глаза этого человека, когда он услышит жалобы жены!“

Все уселись вокруг дастархана. Узнав, с каким намерением Сыдык-джан прибыл в Два чинара, Балта бай обрадовался.

— Вон как? Очень хорошо! — сказал он с одобрением. — У нас вот уже и арык скоро будет готов. Если бы не прополка и окуч-ка хлопка, тут дела осталось всего на один месяц.

Из боязни, что Балта-бай заговорит о другом и молодка в кон-

це-концов может рассказать о том, что произошло в дороге, Сыдык-джан постарался поддержать разговор на эту тему.

— Через сколько же месяцев вы думаете закончить? — спросил он.

— Это будет зависеть от нас самих. Если будем вот так поживать за чаем, затянется надолго, если же проявим старание, кончим быстрее... Как же вы решили — останетесь?

Сыдык-джан хотел было отделаться неопределенным: „Оставаться, так оставаться“, — но тут ему вспомнились тутовое дерево и узелок, оставленный им под стогом клевера, и он не сказал даже и этого.

В разговор вмешалась молодка.

— Конечно, останется, — сказала она, засыпая в тыквянку нас. — Оставайтесь, Сыдык-джан-ака, оставайтесь!

Молодка говорила так, словно упрашивала остаться переночевать у себя заехавшего в гости родного брата, и все же Сыдык-джану почудилась в ее голосе насмешка. Он кинул в ее сторону быстрый подозрительный взгляд. Однако лицо молодой женщины не выражало ничего, кроме искреннего участия и доброжелательства. Она, казалось, уже забыла все, что произошло в дороге, и даже не считала нужным вспоминать об этом. В сердце Сыдык-джана появилось теплое чувство благодарности к этой женщине. Сейчас он ничего не смог бы сказать, что противоречило бы ее желаниям.

— Как вы скажете, так и будет, останемся...

— Очень хорошо! — одобрил его решение Балта-бай, пряча в пояс штанов тыквянку с насом. — В моей бригаде осталось одиннадцать человек. Правда, все они, доброго им здоровья, хорошие йигиты, ударники... Давайте, помогайте нам. Звать вас Сыдык-джан, а фамилия?

— Сахиб-джанов, — краснея, тихо проговорил Сыдык-джан, словно опасаясь, что Балта-бай и молодка, услышав его фамилию, станут громко смеяться.

Однако ни Балта-бай, ни его жена не заметили его состояния. Балта-бай тут же поднялся.

Остаток этого дня Сыдык-джан провел с женщинами, помогая им по хозяйству. Молодку звали Зиеда-хан. Обращаясь к ней, Сыдык-джан называл ее не иначе как „Зиеда-хан-ака“, хотя она была года на четыре моложе его.

Продолжение следует. I. джамил

Перевел с узбекского Н. Ивашев.

РАМЗ БАБАДЖАНОВ, ДЖ. ШАРИПОВ,
А. МУХТАРОВ, МИРМУХСИН,
ЯНГИН МИРЗА, ШУКУРУЛЛА

КОМСОМОЛ*

Москва. Кремль. Сталину. — Великий вожьд побед!
Шлет комсомол тебе свой пламенный привет!
Генералиссимус, победы полководец!
Ты — молодой земли великий комсомолец,
Ты — образ юности, воспитанной боями,
И человечности, и молодости знамя.
Высоких дум, больших стремлений человек,
К вершинам солнечным ведешь ты новый век.
И слово каждое твое, оно одно —
Энциклопедии по мудрости равно.
Нам молодость счастливую ты дал,
Для подвигов ты юность воспитал,
А люди, что воспитаны тобой,
Озарены победой боевой,
Твоим величием озарсны,
О полководец мужества страны!
И песни складываешь тебе из года в год
Обычаем считает наш народ.
И эту песню, этот дар сердец,
Прими от нас, великий наш отец!

* * *

Питомец Ленина — бесстрашный комсомол
Большую школу мужества прошел.
Рожденный бурей на рубеже времен,
Он в испытаниях и битвах закален
И в дело каждое страны своей родной
Вложил он юный труд и юный подвиг свой.
Он гордость солнечных и городов и сел —
Питомец Сталина — отважный комсомол!

* Из выступления молодых поэтов на XI съезде комсомола Узбекистана.

* * *

Когда зажглась заря на небесах России,
 И Питер развернул знамена боевые,
 Тогда свободы свет в далекий край пришел.
 И начал жизнь свою узбекский комсомол.
 Грозой рожденные сыны большевиков,
 Отряды смелые узбекских удалцов
 Безудержны в труде, бестрепетны в бою,
 Мужая, строили республику свою.
 Врагам отечества дал комсомол сраженье
 И боевое в нем он получил крещение.
 Ячейка юношам путевку в жизнь дала —
 Знаменоюшцем стал кокандец Абдулла,
 И молодой Сабир, в градушем генерал,
 На боевом коне в атаку поскакал.
 Во имя родины вели мы этот бой,
 В победу веруя и жертвуя собой.
 И весь народ в борьбе с врагами помогал,
 И красные полки сам Фрунзе возглавлял.
 Уверенной рукой он нес победу нам,
 Революционного Востока командарм.
 История хранит былых сражений след
 И даты славные блистательных побед, —
 И сокрушив врагов, расправил юный стан
 И начал строить жизнь родной Узбекистан.

* * *

Когда, великий вождь, не вытирая слез,
 У гроба Ленина ты клятву произнес,
 Ты начертал тогда великий план страны,
 И стали строить мы, тобой окрылены.
 И познавали мы секреты мастерства
 И счастье творчества, и гордость торжества.
 И вырастали мы в те славные года
 Стальной гвардией победного труда.
 Наш комсомол поля отчизны заседал,
 Большою силой он во всех колхозах стал,
 Под юною рукой пустыни зацвели
 И золото росло из радостной земли.
 Водой новых рек обильно вспоена,
 Цвела счастливая узбекская страна.

* * *

Когда презренный враг на родину напал,
 На бой с фашистами народ советский встал
 За дело Ленина, за родины простор,
 За дело Сталина, — с великих наших гор,

С равнин и дальних рек, со всех краев земли, —
Полки защитников отечества пошли.

* * *

И сколько разных стран не исходили мы,
И сколько рек, морей не переплыли мы,
В атаку с нами шел, Корчагин, образ твой,
Он в памяти горел звездой золотой.
И Ибрагимов наш разил врага свинцом,
И Эрджигитов наш крушил его огнем,
И соколом взлетал Покрышкин в небеса,
Являя воинской отваги чуда.
И краснодонских комсомольцев имена,
Как песнь о мужестве, хранит в душе страна.

И юность наших дней, как партизанка Зоя,
Готова каждый миг пожертвовать собою.
Она всегда в шинель походную одета,
Нет для нее преград на всех дорогах света,
Для той, что Вислу, Рейн и Одер проплыла
И над Берлином стяг победы вознесла!
И где бы мы сейчас на вахте не стояли,
У хлопковой гряды иль на прокате стали, —
Самоотверженной работою своей
Должны ответить мы на подвиги друзей.
Под небом голубым, под лучезарным солнцем
Открыто счастье пред каждым комсомольцем,
Открыто творчество просторных мирных лет
И новый, славный путь дерзаний и побед.

* * *

Великий план вождя сверкает перед нами,
Как небо родины, покрытое звездами,
И строки звездные нам озаряют путь,
И ветром мужества свободно дышит грудь.
Мы восстановим все, что злобный враг разбил,
Не пожалеем мы своих сердец и сил.
Эй, на строительство и городов, и сел,
Застрельщик нового, отважный комсомол!
Стране нужна руда — упрямо горы рой,
И нефть нужна — трудись на вышке буровой,
Эй, уголь вырубай, вари в мартене сталь,
На тракторах паши земли весенней даль,
Учись, используй всю культуру человека,
Изобретай большой мотор — машину века.
Властителем больших машин и мыслей будь,
По сталинским словам свой направляя путь.

Во славу вечную республики родной,
Узбекский комсомол, верши ты подвиг свой,
И счастье её, оно в руках твоих,
Держи его, расти, не разжимая их.
Народа будущность (так говорит народ),
Как золото, землей сокрытое живет,
Любой из нас, друзья, тем кладом наделен —
Владеем золотом и ты, и я, и он!
Узбекский комсомол! На хлопковых полях
Расти красу земли в уверенных руках.
Ты — честь колхозников, ты — знатный хлопковод,
Хозяин золотых полей и синих вод!
И по дорогам, где проходишь, славный, ты,
Развертывает куст хлопчатника листы
И расцветают там соцветия цветов,
И зреют белые созвездья жемчугов,
И на бумаге, что, как хлопок твой, бела,
Мы пишем про твои прекрасные дела.

* * *

Ученье Сталина, великих мудрость слов —
Оружье верное страны большевиков.
Творит для нас, людей, к познанию ведя,
Блистательный талант и зоркий ум вождя.
И комсомолец наш, недавний наш студент,
Что академии сегодня президент, —
И новый инженер, что Сыр-Дарью смирил,
И химик, что рудник вольфрамовый открыл,
И тот, кто атомов постигнул существо, —
Являют сталинской науки торжество!
Поет симфония побед, как океан,
И видит весь Восток, что наш Узбекистан
Сверкает на пути народов вековым
Социализма и расцвета маяком!

* * *

Спасибо, мудрый вождь, от всей души тебе
За то, что нас взрастил и вдохновил к борьбе.
За то, что на земле ты среди нас живешь —
От сердца шлет тебе спасибо молодежь!..
Мы знаем, что должны упорны быть и метки,
Что на плечах у нас — долг новой пятилетки,
И клятву мы тебе великую даем —
Клянемся победить на фронте трудовом!..
Эй, на строительство и городов и сел
Орденоносный наш отважный комсомол!
Эй, в океан труда, бурлящий и большой,

Вступай горячею рекою молодой,
В года грядущего потоком ты плыви
В сиянии сталинской заботы и любви!..
Мы знаем, что краса всей нашей жизни — труд,
Что наша преданность своей отчизне — труд,
Что каждый камушек народного труда
Мостит широкий путь в грядущие года.
Мы путь в грядущее великий проведем,
Страну по рельсам мы из стали поведем,
Закалена в труде и в битве наша сталь!..
Счастливого пути нам в коммунизма даль!

* * *

Генералиссимус! Победы полководец!
Ты — молодой земли великий комсомолец,
Ты — образ вечной юности земной!..
Веди нас дальше, вождь, веди в победный бой!

Перевела с узбекского С. Сомова.

МЫ НА УРАЛЕ

Повесть

Продолжение¹

X

Они все пятеро вошли в вестибюль и на минуту остановились в нерешительности, перешептываясь. В вестибюле было так тихо, что даже этот сдержанный шопот казался громким и должен был привлечь чье-нибудь внимание.

Так и вышло. Дремавший у печки в углу истоник открыл глаза, секунду молчал, глядя на них с недоумением, потом позвал кого-то негромким, спокойным голосом:

— Глаша! Чего ты возишься там? Люди-то вот пришли.

Старичок неспеша поднялся, подошел к ним и вежливо поздоровался. В это время из-за барьера, где помещалась гардеробная, вышла полная пожилая женщина в белом халате и, ласково здороваясь со всеми за руку, спросила, не они ли будут те самые люди, которые едут в Узбекистан и должны были сегодня побывать у них в госпитале.

— Вот оно что... Так вы посидите минутку, я сейчас, — обрадованно воскликнула она, когда Березин подтвердил, что они именно и есть те люди, и извинился за опоздание.

Женщина усадила гостей на диван и поспешно пошла по лестнице на второй этаж. Минуты через три она вернулась в сопровождении двух других женщин, одна из которых — майор медицинской службы — оказалась начальником госпиталя Верой Соломоновной Гринберг.

Сначала они все вместе вошли в самую большую, десятую палату, где находились только выздоравливающие, многие из которых должны были скоро вновь вернуться на фронт. Даже не побывав еще в других палатах, гости могли с уверенностью сказать, что здесь было гораздо веселее, чем во всех остальных отделениях.

¹ См. „Звезда Востока“ № 10-11, 12 — 1946 г.; 1, 2-3 и 4 — 1947 г.

Еще в коридоре, когда они шли по мягкой ковровой дорожке и разговаривали тихонько, стараясь не шуметь, из десятой палаты до них донесся громкий жизнерадостный мужской смех.

— Вот ведь предупреждала, чтобы потише себя вели, — сказала начальник госпиталя. — В других палатах есть очень тяжело больные. Особенно вот в этой. — Она указала рукой на дверь, где на черной табличке стояла цифра 6. — Им нужен покой. Впрочем, шум слышен только здесь, в коридоре, а в другие палаты не доносится, — добавила она, как бы оправдываясь перед гостями.

Она открыла дверь и, продолжая придерживать ее одной рукой, приглашала гостей войти.

Бледная, с сильно бьющимся сердцем, Туфахон входила последней. Она остановилась у порога, не решаясь двинуться дальше.

— Мархамат, мархамат, капы, кельсинляр! — сказал ей молодой джигит с взволнованным и слегка побледневшим лицом, лежавший как раз против двери, у окна. — Джоним, кельсинляр! — добавил он и приподнялся чуть-чуть на локтях.

— Входите, что же вы? — сказала ей начальник госпиталя, только сейчас заметившая, что девушка все еще стоит у порога.

Туфахон сделала несколько нерешительных шагов и, отчего-то вдруг густо покраснев, снова остановилась посреди комнаты, видимо, не решив сразу, к кому подойти.

— Ийе! Джоним! Проходите, садитесь! — настойчиво приглашал ее все тот же боец, выprostав из-под одеяла смуглую тонкую руку и стараясь дотянуться ею до стула. — Проходите! Если б не было войны и мы встретились с вами во дворе моего дома, в Самарканде, я постелил бы под ваши ноги пойдандоз².

И должно быть именно потому, что он так настойчиво приглашал ее и так просто и вольно с нею разговаривал, ей неловко было и не хотелось к нему подходить, но чтобы не обидеть его, она все-таки подошла, поздоровалась и села на стул. На лице ее еще заметно было некоторое смущение, смешанное теперь уже с чувством радости и любопытства; ей уже хотелось сейчас и слушать всех сразу, и говорить самой, и приглядеться к обстановке, в которой они здесь жили и, видимо, чувствовали себя как дома, и узнать, чему они только что так весело смеялись.

— Олечка, садись рядом, — сказала она, уступая подруге краешек стула.

Но Оля извинилась и подошла к другому раненому, что лежал тут же у окна по другую сторону тумбочки.

— Чему вы так громко смеялись? — слегка смущаясь, спросила Туфахон джигита, который теперь внезапно замолчал и, повернув к ней свое сияющее счастливое лицо, молча смотрел на нее карими глазами. Когда она заговорила с ним, он еще секунду глядел на нее все тем же глубоким счастливым взглядом, видимо,

¹ Приветствие на узбекском языке.

² Пойдандоз — шелковое полотно, подстилаемое под ноги самым почетным гостям или жениху в свадебную ночь.

не слышав и не поняв того, о чем она спросила, потом брови его дрогнули, в глазах что-то переменялось и он переспросил тихо и весело, на родном языке:

— Что вы сказали?

— Я спрашиваю, чему вы так громко смеялись, когда мы подходили к вашей палате?

Вместо ответа он сначала повернул голову вправо и указал рукой в угол, где на койке у раненого сидели Березин и Подмон-палван, потом сказал, чуть-чуть улыбаясь:

— Вот лежит сержант Марченко. У него плечо прострелено и пятку на левой ноге осколком оторвало. Так он все время нам что-нибудь веселое рассказывает. Выписывается скоро. Поправился. Сейчас он один рассказ из „Крокодила“ читал. Вот мы и смеялись. Глядите, уже и их рассмешил, — добавил он, кивая опять на сержанта Марченко и смеющихся Березина и Подмон-палвана.

— А вы тяжело ранены? — спросила его Туфахон, и он только что хотел ответить, как начальник госпиталя, до этого сидевшая на койке в левом углу и о чем то внимательно расспрашивавшая раненого, вдруг поднялась и, обращаясь ко всем сразу, спросила:

— Что ж, товарищи, я вижу, уже все познакомились, обойдемся и без официальных речей?

— Обойдемся! — поддержали ее несколько мужских голосов.

— Хорошо. Я только скажу вам пару слов о наших посетителях. Делегация, членами которой являются наши сегодняшние гости и которая завтра выезжает в Узбекистан...

В палату, неслышно притворив за собой дверь, вошла молодая белокурая женщина в такой же белой шапочке и халате, как и у начальника госпиталя, и молча остановилась рядом с Гринберг. Ей нужно было что-то, видимо, сказать начальнику госпиталя, потому что несколько раз она выжидательно поглядывала на нее, то нетерпеливо покусывая нижнюю губу, то оглядываясь опять на дверь. Когда Гринберг кончила говорить и повернула к ней лицо, молодая женщина сказала ей очень тихо и внятно:

— Из шестой палаты Сабирову опять хуже. Температура сорок.

— Хорошо. Успокойте его, Людмила Николаевна...

Гринберг на мгновение прислушалась, внезапно приняв строгое выражение лица.

— Идите, — сказала она врачу, слегка трогая ее за плечо.

И едва она успела это произнести, как приглушенный неясный шум, доносившийся откуда-то из-за стены, внезапно раздался в коридоре. Громко дребезжа, хлопнули двери, послышалась возня, кто-то закричал душераздирающим голосом, потом пробежал по коридору несколько неверных тяжелых шагов и грузно упал.

Начальник госпиталя и врач быстро вышли из палаты.

Страшно бледная, Туфахон молча поднялась со стула и подошла к двери. Она толкнула дверь, но кто-то, должно быть, держал

ее снаружи, и дверь не отворялась. Только через секунду она приоткрылась и Гринберг спокойно спросила:

— Что вы хотели, девушка? Минуточку подождите.

Немного погодя она вошла, такая же спокойная, сдержанная и, пропустив в коридор Туфахон, негромко, с ноткой искренней теплоты и сожаления в голосе, сказала:

— Старшина Прохоров. Харьковчанин. У него эсесовцы на балконе жену с шестилетней дочкой вниз головой повесили. Никак не можем его удержать. Двое санитаров почти все время около него дежурят. Привязать нельзя. Ранение тяжелое.

— Эх, скорей бы опять на фронт попасть, — с жаром проговорил сержант Марченко. — Не устану я их колотить.

Разговор вновь оживился. Только тот боец, что лежал у окна и был так счастлив, когда около него сидела Туфахон, смотрел теперь на окружающих каким-то растерянным взглядом, видимо, не зная, к кому присоединиться. Наконец он вспомнил про сверток, который Туфахон положила на тумбочку и, дотянувшись до него руками, принялся его разворачивать. Развернув сверток, он снова пришел в восхищение и взглянул на дверь, должно быть ожидая, что Туфахон снова вот-вот войдет в палату.

Но она не входила.

Встретив в коридоре ту же самую белокурую женщину, которая перед тем заходила в палату, Туфахон нерешительно подошла к ней. Она так волновалась и была так бледна, что доктор не сразу понял ее, хотя Туфахон теперь уже совсем хорошо говорила по-русски.

— Вы хотите пройти в шестую палату? К Сабирову? — наконец, поняв ее, спросила врач.

— Да, опа-джон, к Сабирову, — сказала Туфахон в волнении, смешивая русские слова с узбекскими. — Только скажите мне... А имя?.. Имя его вы не знаете?..

— Имя?.. — переспросила женщина и, подойдя к двери, на которой висела черная табличка с цифрой шесть, бесшумно открыла ее и, так и не ответив на вопрос, тихонько сказала:

— Войдите.

Она впустила Туфахон, опять неслышно прикрыла дверь и куда-то пошла по коридору.

Туфахон осмотрелась. В палате было всего четыре койки. Сильно пахло не то наркотом, смешанным с валериановыми каплями, не то каким-то еще другим лекарством.

В глубине, у окна, на низенькой табуретке, сидела пожилая няня и вязала чулок.

Стоя у порога, Туфахон продолжала внимательно вглядываться в каждое лицо. Двое из тех, что лежали в палате, были русские. Они оба спали. Третий был не то грузин, не то армянин, Туфахон не могла определить его национальности. Глаза его были широко открыты и казались неподвижными. Станным, остановившимся воспаленным взглядом он смотрел на нее. И вдруг ей стало всех

их так жаль, и на сердце легла такая тяжесть, как будто грудь ее сдавили тяжелым обручем и стало нечем дышать. Горло перехватили спазмы. Она почувствовала, что сейчас закричит. Шупая одной рукой позади себя дверь, Туфахон уже попыталась назад, но в это время няня встала, подала ей свою табуреточку и очень ласково, тихо сказала:

— Садитесь, барышня! Я все петлю никак не могла поймать. Садитесь!

Туфахон вздохнула. Она сделала несколько шагов и вдруг взгляд ее упал налево, где у стены стояла четвертая койка и куда, бесшумно ступая, направилась няня. Чуть склонившись, видимо, прислушиваясь к дыханию человека, лежавшего на койке, старушка несколько секунд стояла молча, потом так же неслышно отошла от кровати и сказала тихо, со спокойной грустью в голосе:

— Забылся. Этот совсем тяжелый. Вера Соломоновна говорит, безнадежен. Эх-х, сыночки вы мои, — добавила она протяжно и, неожиданно всхлипнув, вышла из палаты.

Туфахон увидела лицо больного, и странная неподвижность овладела всем ее существом. Не шелохнувшись, с остановившимся дыханием и взором, она смотрела на лицо Ботыра и медленно узнавала его.

Да, это был Ботыр. Он лежал с закрытыми глазами, и страдальчески приподнятые черные брови его были неподвижны. Она сделала еще шаг вперед, все боясь ошибиться, и вдруг увидела крохотную родинку в углу его губ, которая была всегда так хорошо видна, когда он смеялся.

Она стояла уже возле самой кровати, бессильно, вдоль тела, опустив руки, и все еще не знала, что надо сделать, чтобы он увидел ее. Она боялась закричать, боялась громко произнести его имя, чтобы не испугать, не разбудить, не потревожить его. А рыдания все сильнее распирали грудь и мешали дышать. И вдруг обильные слезы брызнули из ее глаз и полились по лицу. Она тихо опустилась на колени, упала грудью на край кровати и, спрятав свое лицо в ладони, вся затряслась в безмолвном рыдании.

— Нельзя так. Нехорошо. Слышите, девушка, плохо! Человеку без этого тяжело, а вы еще больше его расстраиваете, — услышала она над собой строгий голос и вдруг опомнилась, испугалась. „В самом деле... Нельзя же его расстраивать“, — трезво подумала Туфахон.

Она украдкой вытерла ладонью щеки, глаза и подняла голову. Ласковые глаза Ботыра, брызжащие светом, смотрели на нее.

— Ботыр-ака!.. Ботыр-ака!.. Вы... живы?! — шепнула она, вся устремляясь к нему.

И едва она припала лицом к его щеке и опять заплакала, как чья-то сильная рука ласково взяла ее за плечо.

— Не нужно, товарищ Норматова. Не волнуйте его! — тихо сказал ей Березин, когда она взглянула на него.

Туфахон встала, увидела Шодмон-палвана, Гринберг, Ковшова, Олечку, Зайнаб, которые в это время входили в палату, и краска

смущения залила ей лицо. Потом она поборола это смущение и посмотрела на Ботыра. Он лежал, смотрел на нее, на гостей, которые подходили к его кровати, и желтое болезненное лицо его начинало все больше и больше светлеть.

XI

— Так что ж, товарищи! Завтра у нас день свободный! Будем готовиться к отъезду? — сказал Березин, когда они вышли из госпиталя.

Все промолчали. Только Ковшов, шедший с Шодмон-палваном впереди всех, через минуту промолвил:

— Выходит так. Будем собираться.

— У кого будут какие вопросы или возникнут затруднения в чем-нибудь, прошу ко мне в райком. Я буду там с утра, как обычно, — опять проговорил Березин.

И хотя ни у кого из них не было на душе особенных тяжестей и всем хотелось поговорить о завтрашнем дне, они снова все промолчали.

Лишь через некоторое время разговор постепенно завязался. Говорили о билетах, которые должен был взять Березин, о большом пути, который им предстояло проехать, о том, как их встретят в Узбекистане и какая стоит теперь там погода. Говорили вообще обо всем, о чем могут говорить люди, которым предстоит ехать вместе, да и не только ехать, а еще и жить и гостить там вместе и интересоваться одними делами.

Лишь Туфахон да Оля Протасова не принимали участия в общем разговоре. Молчаливые, не обмолвившиеся между собой ни одним словом, они сначала шли вместе со всеми, затем обогнули всех, завернули за угол, и скоро голоса друзей перестали доноситься к ним из темноты. Девушки пошли тише, попрежнему погруженные в свои мысли.

Было холодно. Тяжелый осенний ветер не спеша, в развалочку шел по городу и, будто еще не разгулявшись во всю свою мочь, пока только лишь для потехи, то обнимал каменные дома, тряс их до основания и гудел под крышами, то легонько задевал деревья, и они шумели низкими густыми голосами, то, присвистнув, пропадали где-то за углом.

Так, не сказав ни слова, они дошли до дома, где жила Туфахон. Оля, остановившись, молча подала подруге руку. Туфахон стиснула ее руку в своих ладонях, потом прижала к груди, и они обе молча и долго стояли.

— Я пойду, Туфочка, — сказала, наконец, Оля. — Уже ведь поздно.

— Как?.. Зачем?.. Куда ты пойдешь? — вдруг будто очнувшись, спросила Туфахон. — Разве ты не останешься у меня?..

— Нет... Ты извини меня. Но тебе надо сегодня побыть наедине с собой. Надо. Я это чувствую...

Туфахон помолчала.

— Да... Надо... Ты права...

Оля еще раз пожала ее руку, поцеловала в щеку.

— Туфочка, не беспокойся. Только не беспокойся и не плачь. Я знаю, ты будешь ночью плакать. Но это напрасно. Совершенно напрасно. Вот поверь моему слову. Все будет хорошо. Он поправится. Мы завтра едем, а он тем временем будет поправляться. — добавила она убежденно, словно уже знала, о чем всю дорогу молча думала Туфахон.

Оля отпустила ее руку и быстро пошла.

С минуту Туфахон стояла в задумчивости.

— Оля!.. Олечка!.. Оля! — вдруг прокричала она несколько раз, словно чего-то испугавшись. — Вернись, Оля! Слышишь?!

Никто не ответил. Шагов Оли уже не было слышно.

— Вернись!..

Ветер метнулся с дороги на тротуар, дохнул ей в лицо холодом и толкнул в грудь.

И вдруг она бросилась догонять подругу.

— Олечка... Оля!..

— Ну, что ты?! Что с тобой? — спросила девушка, вновь появляясь из темноты и идя ей навстречу.

— Я не могу без тебя... Ты будешь со мной, — обрадованно заговорила она, обнимая ее за плечи. — Не могу сегодня. Да и ветер, смотри какой злой, да и поздно уже. Куда ты пойдешь? Зачем? Оставайся со мной... Оставайся, слышишь!

Оля молча обняла ее за талию, и они пошли к дому.

У парадного, на крыльце, стояла Серафима Ильинична.

— Я вас, стрекоз этаких, я вас! — сказала она, придерживая у ворота голой рукой накиннутый на плечи полупшубок. — Что это вы тут шумите да торгуетесь так долго? Разве можно в этакий-то ветер! Он ведь вон какой пронизывающий. Как бы снег не повадил... — говорила она, входя вместе с ними в комнату.

И девушкам сразу сделалось веселей. Пока Серафима Ильинична разогревала им ужин и пила вместе с ними чай, расспрашивая их о госпитале, о раненых бойцах и давая напутствие на дорогу, они охотно разговаривали с ней, отвечая на ее вопросы, и им обоим было легко и радостно на душе; ни та, ни другая ни словом не обмолвились о том, что произошло в госпитале. Они так и легли спать, не поделившись в этот вечер с Серафимой Ильиничной мыслями, которые теснились у них в голове.

Уверенная, что все идет хорошо и Туфахон скоро будет счастлива, увидев своих родителей, и очень довольная тем, что ей удалось кое-что испечь девушке на дорогу, Серафима Ильинична скоро уснула.

А они лежали молча, почему-то боясь даже пошевелиться.

— Ты думаешь об этом, да?... — спросила наконец Оля, не повертывая к ней своего лица и лежа в темноте с открытыми глазами.

— О чем?

— Я знаю, о чем ты думаешь, — внезапно горячо заговорила Оля и повернулась к ней лицом. — Ты решаешь теперь, ехать тебе

или ист. Но как же я? Как же я, если ты не поедешь?.. Впрочем, нет... Я не это хочу сказать. Дело, конечно, не во мне, но было бы лучше, если б ты сейчас уехала на эти недели... Ты только правильно пойми меня. Увидела бы своих старичков, отдохнула... Ой, да что я говорю, не то, не то. Совсем не то! Я больше ничего тебе не скажу...

Она замолчала и опять повернулась на спину.

— А как бы ты поступила? Как бы ты поступила на моем месте? — спросила Туфахон, когда после этого разговора прошло с полчаса в молчании.

— Я?!

Оля снова повернула к ней свое лицо и секунду помедлила.

— Я поступила бы точно так же.

Туфахон приподнялась на локте и в темноте старалась вглядеться в ее лицо.

— Правда, да?

— Разве я могу сейчас шутить или говорить неискренно?

Туфахон стиснула ее в своих руках, прижалась к ней и несколько секунд не отпускала.

И как только они обе поняли, что это решено, они стали разговаривать веселее.

— Когда ты приедешь к нам в Узбекистан, ты увидишь, какой это чудесный и богатый край, — тихо и восторженно шептала Туфахон, в волнении неверно выговаривая некоторые слова. — Ты увидишь наши сады, наш хлопок, наши плоды. Ты счастливая... Но теперь я тоже счастливая.. Если... Если все будет хорошо... Если Ботыр-ака поправится.

— Он поправится...

— А когда приедете в наш колхоз, ты, конечно, будешь жить в нашем доме. Да, да, в нашем доме. Только у нас, у моих старичков. И, пожалуйста, не вздумай отказываться.

— Но что я скажу твоей маме? Отцу?

Они шептались до самого утра, так и не вздремнув ни на полчаса и даже ни разу не смежив веки.

Утром они на несколько часов расстались: Протасова пошла домой готовиться к отъезду, а Туфахон к Березину, в райком. Войдя в кабинет, она поздоровалась с Березиным, села на стул и опустила голову.

— Что случилось, товарищ Норматова? — участливо спросил Березин.

Она вздохнула.

— У вас созрело новое решение, да?

— Да. Я не поеду сейчас в Узбекистан.

Она подняла голову и спокойно посмотрела ему в глаза.

— Это твердо?

— Твердо, товарищ Березин. Вы меня простите...

— Ну что ж, — сказал он со вздохом, — я вас понимаю.

Он подошел к ней.

— Не горюйте и не раскаивайтесь. Мы навестим ваших ста-

ричков. Не горюйте! Вы еще будете дома. И не одна, — добавил он твердо.

Она с благодарностью взглянула на него и глаза ее чуть-чуть повлажнели.

Вечером, проводив друзей и со щемящим сердцем взглянув в последний раз на поезд, который уходил в родной Узбекистан, Туфахон прямо с вокзала направилась в госпиталь.

Часть третья

I

Этой зимой ей пришлось пережить большое испытание, которое заставило ее повзрослеть на много лет и стало памятным на всю жизнь. Туфахон поняла, что больше никогда не будет такой, какой была до этого, и что стала совсем по иному, по-новому смотреть на жизнь. Если раньше она часто действовала только по велению чуткого сердца, то теперь каждый свой шаг она могла глубоко осмыслить. Тяжесть этого большого испытания она почувствовала на своих плечах в тот миг, когда стояла на коленях у кровати Ботыра и, еще яснее, несколькими часами позже, когда, лежа вместе с Олей на постели, за всю долгую осеннюю ночь не спала ни минуты.

И вот начались дни, недели и месяцы этого тяжелого испытания. Она боялась за жизнь Ботыра, как только может бояться девушка, впервые всем своим чистым и искренним сердцем любившая юношу. И каждый день ее опасения все больше и больше возрастали.

Ботыру становилось хуже. Он лежал желтый, исхудавший, с безжизненно равнодушным взглядом. Надо было наклониться, чтобы услышать слово, которое он хотел сказать. Когда Туфахон входила в палату, в глазах его на одно мгновение вспыхивал свет, а затем, через минуту, Ботыр, видимо, уже уставал, веки его опускались и он долго и неподвижно лежал с закрытыми глазами. Часто она уходила, не услышав от него ни одного слова. Не раз она заставляла его в беспамятстве, с высокой температурой.

Однажды, это было уже через несколько месяцев после первой встречи, когда делегация, едущая в Узбекистан, давно возвратилась, Туфахон пришла в госпиталь вместе с Олей. Девушки принесли с собой подарок Ботыру, который ему прислали из родного колхоза и который Туфахон берегла, чтобы преподнести, когда он выйдет из госпиталя, — богатый шелковый полосатый халат и расшитую узорами зеленую тюбетейку. Не дождавшись этого дня, она, после короткого совещания с подругой, решила порадовать этим Ботыра сейчас. Но когда они вошли в вестибюль и начали было раздеваться, к ним из коридора вышел невысокий черноволосый мужчина — дежурный врач, которого Туфахон видела здесь впервые, и сказал девушкам, что сегодня к Ботыру Сабирову входить нельзя, что он лежит в отдельной палате и ему

нужен абсолютный покой. Сначала они растерялись и глядели на врача испуганными глазами, не в силах произнести ни слова. Потом робко попробовали его уговорить, чтобы он все-таки их пропустил. Наконец стали настаивать, грозили позвонить Березину в райком, затем, уже не стесняясь, вытирая мокрые глаза платочками и часто сморкаясь, просили вызвать начальника госпиталя майора Гринберг, но врач был непреклонен и девушки так и ушли, не посмотрев на Ботыра даже издали.

С тяжелым сердцем вернулась Туфахон домой. Тысячи мыслей и подозрений витали в ее голове. Ей казалось, что удар, которого она так боялась, или уже свершился, или близко навис над ней, и теперь никакими усилиями невозможно было его отвести.

На следующий день ее опять не пропустили, и Туфахон снова никого не увидела, кроме незнакомой медицинской сестры, которая вышла к ней в вестибюль.

Так тянулось с неделю.

Наконец, на шестой или седьмой день, когда она явилась в госпиталь с твердой и злой решимостью добиться во что бы то ни стало свидания с Ботыром, к ней навстречу совершенно неожиданно вышел сам профессор с сияющим лицом.

— Ну, здравствуйте! Здравствуйте, девушка. Ай!.. Ай, какие решительные и злые у вас глаза! И это все на нас, на нас, на врачей?! Ай, ай, девушка! Идемте. Идемте к нему! Вы увидите, как он прекрасно выглядит. Идемте! — говорил профессор, одновременно здороваясь, набрасывая на нее халат и увлекая Туфахон за собой. — Операция удалась блестяще. Воспалительный процесс в области печени и большое нагноение, которое там скапливалось, теперь ликвидировано. Температура становится нормальной. Он хорошо ест. Да, да, ест! — продолжал профессор, глядя, как лицо ее все больше и больше становится растерянным. — Что же касается ноги, то он будет ходить без палочки. Вот, пожалуйста!

Он открыл дверь в палату и пропустил Туфахон вперед.

С минутой она стояла у порога, глядя на Ботыра. На миг ей показалось, что все это счастье — сон, и она сейчас проснется. Но она чуть заметно тряхнула головой и сделала несколько порывистых и быстрых шагов.

Лицо Ботыра просветлело. Он выпростал из-под одеяла руки, протянул ей навстречу, несколько мгновений подержал ее пальцы в своих ладонях, точно хотел согреть, и наконец глубоко и облегченно вздохнул, положив свои длинные смуглые руки вдоль тела, поверх одеяла.

— Вы пришли... Туфахон... джоним... и мне стало совсем легко. На дворе мороз?.. Как хорошо!.. Как мне радостно, что вы пришли.

А Туфахон все смотрела на него молча, и только обильные слезы легко катились по ее лицу.

Профессор вышел.

Они не заметили, когда он вышел, они не замечали, не видели больше ничего вокруг, кроме друг друга.

— Ботыр-ака... Вам лучше?! Да?!

И уже больше не сдерживаясь и ни о чем не думая, она стала покрывать поцелуями его худые горячие руки.

Она почувствовала свое счастье еще яснее и глубже, когда шла из госпиталя домой. Никогда, никогда раньше не было у нее в душе столько светлых надежд на будущее, сердце не было так переполнено радостью и жизнь еще ни разу не казалась ей так прекрасна и щедра.

Ей хотелось петь. Ей хотелось сейчас же, немедленно, увидеть Олю и крепко сжать ее своими руками. У Туфахон даже мелькнула мысль позвонить Березину и поделиться с ним своей радостью. Но позвонить она не решилась. Она даже не пошла к Оле, а направилась прямо домой.

Снег хрустел под ее ногами, и ей было радостно от того, что он такой чистый и так звонко хрустит. Мороз пощипывал щеки, и Туфахон казалось, что он заигрывал с ней как живое существо: она лукаво погрозила ему в темноте пальцем, слегка потерла щеки ладонями и прошептала про себя чуть слышно: „Вай, джигит, не заигрывай!“. И ускорила шаг.

Дома она все рассказала Серафиме Ильиничне. Добрая женщина, с умилением глядя на ее веселое, жизнерадостное лицо, прослезилась. А для Туфахон все на свете казалось теперь совсем иным, не таким, как несколько часов тому назад. Согретья на плитке для себя чай, она внимательно и долго прислушивалась, как шумел чайник, тоненько высвистывая трели, и вдруг громко расхохоталась: она вспомнила бобо-Рахима, своего дедушку, который точно так же свистел и жужжал носом, когда спал, бывало, летом на суфе.

Это веселое настроение не покидало ее ни ночью, ни днем. До самого рассвета, пока она не проснулась, ей грезились какие-то золотые счастливые сны, какие бывают только в детстве, а утром, когда она вошла в цех, все заметили ее необыкновенно радостное лицо. Иван Павлович, видя, как все спорится у нее в руках, сдвинул очки на лоб, поглядел на нее довольным отеческим взором и сказал ласково:

— Чудо-девушка! Молодец! Если на фронте у нас есть чудо-богатыри, то в тылу имеются чудо-девушки. Молодец Норматова! Люблю бодрых, жизнерадостных и крепких духом людей. Только ты гляди... не того...—И он многозначительно помахал перед своим носом указательным пальцем. — Не зазнавайся!

Туфахон не знала усталости. С каждым днем она работала все с большей и большей радостью, точно была уверена, что труд ее принесет счастье им обоим: и ей и Ботыру. Она успевала почти ежедневно бывать у него, приносила ему то сушеный инжир, который он так любил, то гранаты, то лимон, и трудно сказать, как удавалось ей все это раздобыть в ту тяжелую зиму. Несколько раз она даже варила для него плов и, наскоро сложив его в эмалированную миску, плотно прикрыв сверху тяжелой глиняной чаш-

кой, чтобы он не остыл, и увязав в платок, ночью несл ему в госпиталь.

Ботыр выздоравливал теперь быстро. Через месяц он мог уже подниматься и ходить по палате, неуверенно опираясь на костыль, так как раненая нога все еще давала себя чувствовать.

Когда наступила весна, он стал выходить на веранду и иногда подолгу засиживался там вместе с Туфахон, если у нее случайно оказывался свободным вечер.

Все эти несколько месяцев, в течение которых Ботыр выздоравливал, Туфахон была счастлива. И, казалось, теперь уже ничто не могло изменить и нарушить этого счастья.

Но однажды, когда они теплым июньским вечером сидели на веранде госпиталя и, как это часто бывало, долго молчали, глядясь друг в друга сквозь светлые синие сумерки, Ботыр неожиданно сказал:

— Через десять дней меня выпишут. Дадут на шесть месяцев отпуск. Думаю поехать в Ташкент... Домой.

Сначала, когда отчетливый, ясный в тишине звук его голоса и слова дошли до ее сознания, она обрадовалась. Через десять дней меня выпишут, — повторила она мысленно, в восторге.

Потом вдруг острая, как боль, тревога проникла в сердце и оно куда-то ухнуло, упало.

— В Ташкент?! Ботыр-ака... Домой? — переспросила она, бледнея и все шире раскрывая глаза.

— Конечно, — сказал он просто. — Ведь целых шесть месяцев...

Она почувствовала, что не может вздохнуть, перевести дыхание, точно кто-то внезапно взял ее за горло.

Наконец справилась с собой, продолжая молча смотреть на него. Но она была так ошеломлена этим, что не знала, что еще можно ему сказать и, к великому изумлению Ботыра, ушла домой молчаливая и грустная.

В продолжение последующей недели она не могла к нему вырваться, и Оля Протасова принесла ей наконец от Ботыра записку: „Туфахон, джоним моя! Я не знаю, на что ты обиделась. Разве я не сказал, что хочу ехать вместе с тобой? Если не сказал вслух, так это было согласовано между нами без слов. Как же я мог подумать уехать иначе, без тебя?.. Нет, без тебя я никуда не уеду, так ты это и знай. Завтра, в воскресенье меня выпишывают. Если будет время, приходи. Не сердись на меня. Ботыр“.

Туфахон совсем потеряла голову и перестала владеть собою. Все смешалось в ее душе: и облегчение от того, что она неправильно поняла Ботыра, и чувство все заполняющей радости, что они поедут вместе и будут все время вместе, вдвоем, и мечты, и представления о том, как их встретят в колхозе, как обрадуются старики-родители, и трезвые рассуждения о том, кто же сейчас отпустит ее с завода, когда завод получает все новые и новые срочные заказы. Да и как она сможет уехать, если даже ее и отпустят... А если Ботыр останется здесь, что он будет делать? И где он будет жить? Куда, в конце концов, он завтра придет? Где

ей встречать его? Здесь, в этом доме, у Серафим Ильиничны? Но ведь это невозможно! У Туфахон никогда не повернется язык попросить у хозяйки разрешение даже пригласить Ботыра к ним в гости.

Да, куда, в самом деле, она поведет его завтра из госпиталя?.. Все эти мысли так волновали ее и так вскружили ей голову, что Туфахон сделалась почти больна. Вечером, когда они с Серафимой Ильиничной сели ужинать, Туфахон сказала:

— Ботыр-ака завтра выписывается из госпиталя. Поправился. И больше ничего не добавила.

Однако Серафима Ильинична была искренне обрадована этим сообщением и даже взволновалась, вспомнив свою дочь Лизу, которой за время войны ни разу не довелось побывать дома.

Серафима Ильинична вдруг принялась ухаживать за девушкой пуше прежнего. После ужина сама разобрала ее постель и несколько раз ласково, точно она обращалась к ребенку, повторила:

— Ложись, доченька, ложись. Спи.

Утром, едва рассвело, Туфахон поднялась с постели и тихонько, чтобы не разбудить Серафиму Ильиничну, стала одеваться.

— Это куда же ты в такую рань?.. Украдкой хочешь удрать? — раздался спокойный голос Серафимы Ильиничны, которая, видимо, уже следила за ней из-под одеяла. — Нет, доченька, без завтрака я тебя не отпущу. Надо позавтракать.

Она встала и тотчас же затеяла оладьи.

Туфахон ходила по комнате смущенная, молчаливая, словно не зная, куда себя деть. Серафима Ильинична возилась с оладьями и несколько раз украдкой наблюдала за ней. Подавая на стол румяные, облитые медом оладьи, как будто между прочим, сказала:

— Он куда же думает идти-то из госпиталя? К друзьям, что ли, своим? А вы уж этак вот сделайте, не обижайте старуху, никуда не заходите, а из госпиталя прямо ко мне. Прямо ко мне, — повторила она, стоя над сковородкой и твердо глядя на Туфахон. — Поняла? Конечно, он для всех теперь желанный гость, ну, а ко мне, как к матери, он должен прийти в первую очередь. Ко мне и к тебе прежде всех.

Туфахон не удержалась, подбежала к ней и, обхватив ее за шею, раза четыре подряд поцеловала в щеку.

С этой минуты она вдруг сделалась веселее.

Серафима Ильинична отложила в отдельную тарелку десятка полтора оладьев, поставила стакан меду и сказала наставительно:

— Это вот ему отнесешь. Пусть поест. Пока все не съест, не выпускай его на улицу.

Туфахон улыбнулась и ответила, что она передаст это Ботыру, как ее, Серафимы Ильиничны, наказ, и тогда он непременно послушается.

Они уже кончали завтракать и Туфахон допивала свой чай, когда вдруг на крыльце послышались чьи-то шаги и в дверь постучали. Туфахон кинулась к двери, отворила ее и, внезапно вся

преобразившись, широко раскрыв глаза и остолбенев от изумления, в первую минуту не могла произнести ни слова.

— Ботыр-ака.. Вы пришли!.. Как же вы разыскиали нас, — задыхаясь от волнения, проговорила она по-русски.

— Можно? — вместо ответа спросил он, спокойно улыбаясь и больше обращаясь к Серафиме Ильиничне, которую заметил за спиной Туфахон, чем к девушке.

Серафима Ильинична ничего не сказала, только поспешно потянула к глазам скомканный фартук, взяла Ботыра за рукав шинели и ввела его в комнату.

— Сымай, сыночек, сымай! — проговорила она, помогая ему стаскивать с себя вещевой мешок, шинель и шапку. — Зачем же ты это спрашиваешь! Ты ведь у нас самый желанный гость. Самый желанный. Мы тебя как пирога из печи дожидались, — добавила она и улыбнулась, вытирая глаза ладонью. — Проходи, проходи к столу. Садись.

И эта проникновенная материнская ласка Серафимы Ильиничны, и сам неожиданный приход Ботыра до глубины души растрогали Туфахон. Она едва сдерживалась, чтобы не заплакать.

Ботыр расправил гимнастерку, прошел к столу и сел на табурет.

— Я все-таки быстро вас разыскал. Мне этот район знаком. Мы здесь когда-то с батальоном стояли. Учебный период проходили, — сказал он, поглядывая на Серафиму Ильиничну.

Туфахон сидела против него и то смотрела ему в лицо, то переводила взгляд на его грудь. На груди у Ботыра сверкали ордена Боевого Красного Знамени, Красной Звезды и медаль „За отвагу“.

— Ботыр-ака... — только и могла она прошептать всего лишь одно это слово.

У них за спиной Серафима Ильинична хлопотала возле шкафчика.

— Оленька-то наша не знает, а то бы она сейчас прискочила. Она ведь у нас тоже ласковая, — говорила Серафима Ильинична таким голосом, точно Оля была ее дочь.

— Она за цветами пошла. Мы ведь с ней вместе хотели идти в госпиталь. Я должна была за ней зайти. Теперь она скоро сюда прибежит, — сказала Туфахон.

— Прибежит, куда денется!.. — спокойно подтвердила Серафима Ильинична.

Она поставила на стол бутылку красного вина, извлеченную откуда-то из сундука, варенье, маринованные грузди, подложила еще горячих оладьев и, не садясь, разлила по рюмочкам вино.

— Ну, сыночек, и ты, доченька, поднимайте! Выпьем по рюмочке за твоё здоровье. У нас, по русскому обычаю, гостей любят вином встречать.

Они посмотрели на нее с глубокой благодарностью, потом весело переглянулись, встали и взяли со стола рюмки.

(Окончание следует)

ОДНОПОЛЧАНИНУ

Пусть отдохнет оружие,—
Горнист пропел отбой.
— Прощай, соратник мужества,
Однополчанин мой!

Я предан солнцу Азии,
А ты — полярным льдам,
У нас дороги разные...
Но разве в том беда?

Для дружбы — бесконечные
Дороги коротки.

А мы с тобою — вечные
Друзья и земляки.

Уж рельсы паром вымылись
Под музыку гудков...

Ну, что ж, давай обнимемся,
И уговор таков:

Теперь в какую б сторону

Отсюда ни ушли —

Повсюду с другом поровну

И хлеб и соль дели!

Ты помнишь: враг кругом и дым

Тяжел. И нету рек.

И небольшой глоток воды

На восемь человек.

И сн помог пройти тебе

По выжженным полям...

Теперь же — праздничный обед

И труд — все пополам!

Огнем спаяла нас война —

Огнем лихих годин.

Одна любовь. Судьба — одна.

И путь у нас — один.

...Уйду — и не поверится,

Что нет тебя со мной,—

Тебя, соратник верности,

Товарищ фронтовой.

ВЕСЕННИЕ ЭТЮДЫ

1.

Безо времени и саям хуже поминальной молитвы.

Ходжи-тараз¹ — весовщик колхоза „Михнатчи“ — был доволен сегодняшним днем. Постукивая палкой по стволам придорожных деревьев, он размашисто шагал по широкой гравийной дороге и беззаботно напевал мотив какой-то очень веселой песенки.

Солнце щедро поливало землю теплом; ласковый весенний ветерок курчавил молодые, только что распустившиеся листья деревьев, осыпал на дорогу лепестки цветущего урюка, миндаля — белые, розовые...

Хорошо!

На голове у Ходжи-тараза обернутый в мешок котел, на плече — пустой хурджун, за поясом — уполовник и шумовка; но груз этот несколько не стеснял его движений и, тем более, не мешал ему петь.

Хорошо!

Ходжи-тараз запел громко, во весь голос:

Чайхану б на берег сая?²
В чайхане б побольше чая;
День работать, два гулять.
Вот бы жизнь — не надо рая!

— Вот бы жизнь — не надо р-р-а-я-я! — повторил Ходжи-тараз последнюю строку песни так громко, что с полдесятка маленьких птичек, хлопотливо шнырявших между ветвями придорожной джиды, испуганно застыли на своих местах и затем, враз, как по команде, взмыли в воздух.

¹ Тараз — сокращенное таразвон — весовщик, в данном случае — прозвище.

² Сай — река.

Кося глазами из-под котла влево, вверх, в бездонную синь, Ходжи-тараз залюбовался полетом птиц. Стайка поднялась почти к самому небу и вдруг, стремительно ринувшись вниз, опустилась на вспаханное поле...

Лицо Ходжи-тазара расплылось в улыбке.

Чайхану б на берег сая...

Чтоб сократить путь и, кстати, еще раз вспугнуть птичек и полюбоваться их полетом, Ходжи-тараз шагнул по направлению тропинки, что лентой вытянулась по меже рядом с пашней, и замер. Покрывая звуки песни, со стороны поля послышался раскатистый смех.

Ходжи-тараз скосил глаза: далеко по полю двигался трактор; подминая под себя кустики зазеленевшей травы, из-под отвалов плуга ложились ровные пласты жирной земли. „Нет, это не оттуда“.

— Саям, Ходжи!

Ходжи-тараз приподнял над головой котел и повернулся на оклик. Шагах в двадцати от дороги с сантиметром в руке стоял бригадир первой бригады Азиз-хан.

— Ййе! Не уставать вам, Азиз-хан! — стараясь быть любезным, ответил на приветствие Ходжи-тараз.

— Откуда вы, сладкогласный певец?

— Праздник весны справляли с раисом¹ на берегу сая. Халмат-ака оттуда махнул прямо в город, а я вот пеший остался.

— Так... говорите, на прогулке были, — усмехнулся бригадир и, будто Ходжи-тазара здесь и не было вовсе, склонился над бороздой, проверяя глубину вспашки.

„Плохо, когда язык начинает двигаться раньше, чем прикажет голова. Зачем я ему сказал? Этот шайтан обязательно напишет обо всем в газету и накличет беду!“ — Ходжи-тараз постоял с минуту и зашагал по тропинке. Он по-прежнему что-то мурлыкал себе под нос, но это уже была совсем не та песня.

2

Прикрытый котел не всегда остается открытым, тайна не всегда остается тайной.

Халмат Хайдаров прикрыл за собой дверь кабинета и, даже не взглянув на девушку, предложившую ему стул, хмуро остановился посередине приемной. Вслед за ним из кабинета вышел и секретарь райкома Турдыев.

— Я уезжаю в колхоз „Михнатчи“, — коротко обронил он на ходу и, сделав знак Халмату, направился к выходу. Халмат нехотя пошел за ним.

У подъезда их уже поджидала облупленная, выдавшая виды „эмка“. Хлопнули дверцы, „эмка“ фыркнула, пыхнула два-три раза синим дымком и ласково зашелестела шинами по мостовой.

¹ Раис — председатель.

Скоро они катили по тем местам, где незадолго перед этим шагнул, распевая свои песни, Ходжи-гараз. Солнце так же щедро поливало землю теплом; ласковый весенний ветерок так же курчавил молодые листья деревьев и осыпал на дорогу лепестки цветущего урюка, миндаля, такие же белые, розовые. Так же, как и прежде, все располагало к радости, веселью. Но Халмату было не до песен. Он забился в угол машины и сидел понурый, задумчивый.

„Эмка“ свернула на проселок. Мимо побежали поля с ровными рядками кучек навоза, арбы, подвозившие удобрения, группы колхозников, занятых кто разбрасыванием навоза, кто очисткой оросительной сети. Секретарь обернулся к Халмату:

— Дружно работают! Это не ваши?

Халмат заерзал на сиденьи. В голосе секретаря ему послышались иронические нотки (как мог секретарь не знать полей, на которых он бывал десятки раз?!), но не ответить было неудобно.

— Соседи. Люди Аскара, — буркнул он.

„Эмка“ сбавила скорость. Теперь она медленно двигалась между расступавшимися перед ней колхозниками: кетменщики, заполнявшие выбоины дороги землей, подноскичи щебня, трамбовщики, приостановив работу, неторопливо отходили в сторону, уступая дорогу. Кто-то, опершись на кетмень, приветствовал Турдыева, кто-то прощально махал ему рукой. Секретарь помахивал в ответ фуражкой и улыбался. Халмат же, стараясь остаться незамеченным, горбился в углу машины.

„Эмка“ остановилась перед группой колхозников, ремонтировавших мост. Люди укладывали последние бревна, вколачивали последние гвозди. К машине подошел человек средних лет в керзовых сапогах, выгоревших защитного цвета брюках и белой бязевой рубашке с открытым воротом, подпоясанной солдатским ремнем.

— У вас дело уже к концу подходит, Аскар-ака. Может, вам приняться и за дорогу „Михнатчи?“ — здороваясь с подошедшими, спросил Турдыев и взглянул на Халмата. — Неплохо было бы, а, Халмат-ака?

Халмат, избегая взгляда секретаря, пробормотал что-то нечленораздельное. Аскар поспешил ему на выручку.

— Мы с удовольствием, — сказал он. — Помогать соседям — обычай наших отцов!

— И сами справимся, — нахмурился Халмат.

Неловкое молчание нарушил старик-колхозник с трамбовкой в руках.

— Мост готов, сын мой!

— Спасибо, отец! — поблагодарил Турдыев старика и, попрощавшись с Асаром, сделал знак шоферу.

Халмат слышал, как старик-колхозник спросил: „Аскар-джан! Что то Халмат-бай будто не в духе?“ и как тот ответил: „Сегодня у них собрание. Колхозники, наверное, здорово раслушат его овчинную подстилку, вот у него и забота“. Он хотел что-то сказать, но „Эмка“ уже тронулась и покатила дальше.

Халмат еще глубже забился в угол машины. Мысли его прервал резкий толчок. Он исподтишка взглянул на секретаря. Турдыев с усмешкой кивнул в его сторону и предупредил шофера:

— Поосторожней! Мы выехали на главное шоссе Халмата-ака! Машина пошла вперевалку, по-утиному. На обочинах дороги то там, то сям виднелись редкие кучи щебня и песка. Турдыев обернулся к Халмату:

— Если не ошибаюсь, прошло уже дней десять-пятнадцать, как завезен этот щебень, а, Халмат-ака?

Халмат сделал вид, что не слышал вопроса.

— Выжидаете, когда полностью будет подвезен! — усмехнулся секретарь.

— Людей не хватает, — подняв голову, хмуро ответил Халмат.

"Эмка" внезапно остановилась. Халмата и Турдыева сильно встряхнуло. Из облака пыли, окутавшего машину, показалась сначала голова человека, сидящего на буфере, затем сбоку, на дороге, котел. Шофер, а за ним Халмат, выскочили из машины. Шофер бросился к пострадавшему, но тот уже поднялся сам и, протирая глаза, сердито говорил:

— Если язык свой утруждать не хочешь, приятель, так на то у тебя даровой крикун есть, чтоб "с дороги!" кричать. Ты же мог себя под ответ подвести!

Подожел Халмат с котлом в руках. Он протянул было котел хозяину, но тут же в ярости отшвырнул его далеко в сторону.

— Проклятье твоему отцу! — прошипел он.

Ударившись о землю, котел раскололся надвое.

Турдыев взглянул на котел, затем на пострадавшего, увидел на его плече хурджун, за поясом уполовник с шумовкой и усмехнулся:

— Ходжи?!

Ходжи-тараз резко обернулся и попятился от неожиданности.

— Я... засмотрелся на галок и... — забормотал он невнятно.

Секретарь показал на котел.

— Прикрытый котел должен, говорят, оставаться прикрытым, но этому котлу, видно, суждено было выдать тайну его хозяев и погибнуть именно здесь. Хорошо, что он успел послужить на празднике весны!

Ходжи-тараз метнул испуганный взгляд в сторону Халмата. Тот стараясь не смотреть на секретаря, отвернулся было, но тут рас-терянность и смущение на его лице стали еще заметнее: впереди на мосту стояла, накренившись, арба со щебнем; рядом с мостом щипала траву тощая, с проступающими ребрами, лошадь; на шее у нее болтался хомут. На арбе стоял возчик и гладел на то, что происходило у машины.

Халмат, а вслед за ним и Ходжи-тараз, рванулись к мосту и с двух сторон подставили плечи под ступицы арбы. Халмат зарычал на возчика:

— Слезай с арбы... злосчастный!..

Арбакеш спрыгнул с арбы и схватился за оглобли. К ним на

помощь подошел шофер. Арба медленно сдвинулась и, гроыхнувшись колесами на последней перекладине, скатилась с моста.

Халмат и Ходжи-тараз, суетясь и мешая друг другу, принялись торопливо подправлять доски моста.

— Это ведь только на один день! — крикнул им от машины секретарь. — Ходжи, отправляйтесь с машиной и пришлите из кишлака плотников, а мы с Халматом-ака пройдем по полям.

Турдыев проследил, как машина прошла мост, и направился к меже. Халмат поспешил за ним.

— Вот видите, что у вас тут творится, — взглянул секретарь на Халмата. — А скажет кто, вы готовы до небес прыгать, огрызаясь. Разве не правда все то, о чем писал в газете Азиз-хан? Вот этот мост, он, если не ошибаюсь, только вчера был починен... И все у вас так делается, Халмат-ака, кое-как...

Некоторое время они шли молча. Секретарь, хмурясь, прошел мимо увязшего в земле трактора и остановился у покрытого ржавчиной, брошенного в борозде плуга.

— Допустим, что за трактор отвечает МТС, а за плуг?.. — спросил он.

Халмат сделал попытку оправдаться:

— Сколько раз было говорено...

Секретарь махнул рукой:

— Мало говорить, надо делать... Вы только что сказали: людей нехватает. Станет ли председатель, у которого нехватает людей, снимать со звена такого опытного дехканина, как Джафар-ата, и ставить его сторожем?

— Строптивый человек, лезет, когда не надо, со своими советами...

— Надо прислушиваться к советам, а не зажимать рот, — прервал Халмата секретарь. — А Ходжи-тараз? Огорвать от дела такого йигита, как Ходжи-тараз, и только для того, чтобы справить праздник весны!

Халмат низко опустил голову.

— Что ж, пойдемте в кишлак. У вас ведь сегодня собрание. Хочу послушать, что будут говорить люди вашего колхоза.

3

Слово, сказанное миром, —
крепкое слово.

Колхозники, теспившиеся на террасе правления, недовольно зашикали — из коридора, гремя поднятым над головой чайником, вышел Ходжи-тараз. Он неторопливо, вразвалку сошел по ступенькам террасы и направился к чайхане по другую сторону улицы.

— Ходжи-ака! — окликнул его сидевший в машине шофер.

— Что, братец?

— Скоро кончится собрание?

— Уже подходит к концу. Ждите. Вам, похоже, и Халмата-ака придется прокатить, чтоб проветрился. Очень жарко приходится ему от колхозников!

Ходжи-тараз прошел в чайхану.

— Мамат-кабул, чаю!

Мамат-кабул с кувшином водной руке и банкой пшена в другой стоял на деревянной супе и возился у клетки, подвешенной к потолку, — подливал воды и подсыпал корм перепелке.

— Пусть закипит, — равнодушно бросил он.

— Товба!¹ Весь свет водой залило, а тебе, видно, еще и лодыжек не замочило?!

Мамат-кабул подошел к краю супы и опустил на корточки.

— Хош-хош...²

— Председатель наш уже вверх тормашками полетел! Азиз-хан с Каримом против него выступили.

— А-а, — несколько не удивившись, протянул Мамат-кабул. — Тебе Азиз-хан тоже, кажется, колпак наизнанку вывернул?

— Причем тут я? Мне давали, я брал. Отказываться было, что-ли?..

— Ийе! — удивился Мамат-кабул. — Надо же и совесть знаты! Как можно было, спину не гнувши, хлеб есть? Ударникам, которые двенадцать месяцев в году с поля не уходили — по два трудодня и тебе, подпевале председателя, — тоже два трудодня... Куда это годится?

— А весовщиком быть легкое дело, думаешь! — обиделся Ходжи-тараз.

— Э-э... три месяца в году работы...

— Зато я не променял, как ты, трактор на самовар, — съязвил Ходжи-тараз.

Мамат-кабул спрыгнул с супы, сердито вырвал из рук Ходжи-тараса чайник.

— А я не стал, как ты, мальчиком на побегушках у раиса, — буркнул он, склонившись над самоваром.

Спор их прервали громкие аллодисменты, послышавшиеся со стороны правления.

— Вот! — сказал, прислушавшись, Ходжи-тараз. — Это, наверное, Юлчи-бай дал свое согласие стать председателем.

— Правда, а?

Ходжи-тараз удивился:

— Чему ты радуешься? Теперь придется твоему самовару без тебя кипеть!

— Ничего, Юлчи будет за старшего, мы и чай будем покрепче заваривать!

— Как же, — искривил губы Ходжи-тараз, — Юлчи-бай обязательно оставит тебя в чайхане на боку лежать! Нет, придется тебе самовар на трактор сменить.

¹ Товба! — восклицание, выражающее крайнее удивление.

² Хош-хош — так-так.

Мамат-кабул закрыл кран самовара и протянул чайник Ходжи-таразу.

— На трактор? — усмехнулся он. — Что ж, это дело нам знакомое, и бегать нам от него не к лицу, если... тракториста не будут равнять с потешником вроде тебя...

Ходжи-тараз не успел даже обидеться: со стороны террасы послышался говор, смех.

— Ийе! Уже и собрание кончилось!.. — удивился он и вбежал к правлению.

Ходжи-тараз вбежал в опустевший зал и, растерянный, опустился на стул при входе: в зале уже никого не было, только за столом президиума сидел Халмат, подавленный, с низко опущенной головой.

— Раис! — робко окликнул его Ходжи-тараз.

Халмат вскочил, будто в бок ему ткнули шилом, и, ошалело взглянув на Ходжи-тараза, выбежал вон.

4

Кто отобьется от стада,
того волк съест.

Халмат и Ходжи-тараз сидели на суне посреди двора, отвернувшись друг от друга, и молчали. Халмат поднял голову, не оборачиваясь, протянул пустую пиалу Ходжи-таразу и угрюмо спросил:

— Так что говорил секретарь Юлчи?

— Халмат Хайдаров — опытный дехканин, его нужно использовать, но...

Халмат резко обернулся:

— Что „но“?

— ...но, — продолжал Ходжи-тараз, — либо в одной из бригад, либо...

— Довольно! — сердито прервал его Халмат.

Ходжи-тараз умолк.

— Так, — немного погодя заговорил Халмат, как бы рассуждая сам с собой. — Значит, Халмат больше ни к чему не способен, в нем больше не нуждаются, — и резко повернувшись к Ходжи-таразу, спросил: — Он в Москве учился?

Ходжи-тараз вылил остатки водки в пиалу, отшвырнул бутылку и уже потом ответил:

— Юлчи? Да.

— А разве в Москве хлопок сеют?

— Не знаю.

— Как не знаешь? — вспыхнул Халмат.

Он хотел сказать еще что-то, но услышал возглас жены: „Мунис-хан!“ — и обернулся, ища глазами дочь.

Мунис-хан стояла в проломе дувала, отделявшего дворы Халмата и Азиз-хана. Глаза Халмата вспыхнули гневом.

— Ходжи!

— Что изволите, раис? — вскочил Ходжи-тараз, торопливо протягивая Халмату пиалу с водкой.

Халмат машинально принял пиалу, но тут же со злостью выплеснул водку и, указывая на пролом в дувале, выкрикнул:

— Заложить!

Мунис-хан взглянула на мать, занятую мытьем посуды на террасе.

— Отец! — крикнула тетушка Саври. — Вы с ума сошли! Ходжи, не дурите!

Ходжи-тараз обернулся к Халмату.

— Заложить! — повторил приказание Халмат.

Ходжи-тараз нехотя взял кетмень, сделал несколько ударов и, плеснув воды, принялся месить глину.

Мунис-хан молча смотрела то на отца, то на мать. Халмат, стараясь не встречаться взглядом с дочерью, крикнул:

— Дверь моего дома отныне закрыта для Азиз-хана!

Мунис-хан резко повернулась и вышла со двора. Тетушка Саври накинута на мужа:

— Чудно! Не даром говорят: худому и маслом не угодишь. Не любите слушать правду. Труд Азиз-хана был сладок, а слова горькими показались...

Тетушка Саври остановилась на полуслове: на пороге калитки стоял Юлчи.

— Ходжи! — окликнул он.

Ходжи-тараз вздрогнул и, не бросая кетменя, испуганно взглянул на нового председателя.

— А мое письмо? Что это значит? Лошадь бросил на улице, а сам здесь!..

Халмат подошел к Ходжи-таразу и взял из его рук кетмень.

— Иди, новый хозяин пришел, — буркнул он сердито.

Тетушка Саври заспешила навстречу Юлчи.

— Пожалуйте, Юлчи-бай, заходите!

Ходжи-тараз сделал было попытку прошмыгнуть на улицу за спиной Юлчи, но тот обернулся к нему:

— Сейчас отвезите письмо в колхоз „Пахта“ председателю, возьмите ответ, а затем отправляйтесь за одобрением.

— Хоп!

Ходжи-тараз скользнул в калитку. Халмат, делая вид, будто ничего не замечает, старательно месил глину и закладывал проход в дувале. Юлчи подошел к нему и некоторое время молча наблюдал за его работой.

— Не уставать вам, Халмат-ака! — поздоровался он. — Что ж вы Азиз-хана не пригласили на помощь?

Халмат молча продолжал заниматься своим делом.

— Этот человек с утра сегодня халат наизнанку одел, всеми недоволен, — заговорила тетушка Саври. — Другого дела не нашел...

Халмат хмуро взглянул на жену и, как был с колобком глины в руках, обернулся к Юлчи:

— Что с моим заявлением?

— Вот я и пришел к вам по этому делу, — ответил Юлчи. — Мы решили предложить вам звено...

— Что? Я же просил отпустить меня!

— Нет, Халмат-ака, об этом и речи...

— Все тебе уступаю, все! Только отпусти меня, уйду из колхоза! — перебил его Халмат, со злостью швыряя ком глины на место кладки.

Юлчи улыбнулся:

— Куда же вы собираетесь уходить?

— Куда? Куда голова клонит! Советская земля обширна, найдется место и для Халмата.

— Хорошо, пусть будет по-вашему. — сказал после некоторого раздумья Юлчи и, решительно повернувшись, направился к калитке.

Халмат раскрыл рот, хотел что-то сказать, но Юлчи уже не было. Тогда он со злостью отшвырнул кетмень, прошел к арыку, вымыл ноги и, натянув сапоги, вышел со двора.

Не прошло и нескольких минут, как Халмат уже входил в кабинет председателя колхоза. Юлчи был занят разговором по телефону:

— Нет-нет, товарищ Турдыев! Предлагал ему. И слышать не хочет...

Халмат хмуро взглянул на Юлчи:

— Скажи прямо: уезжает. Чего боишься?

Юлчи, не обращая на него внимания, продолжал:

— Да-да, звено предлагал ему, отказался... Хорошо, хорошо...

Положив трубку, Юлчи обернулся к Халмату.

— Где мое заявление? — потребовал тот.

Юлчи помолчал, затем, как бы приняв решение, достал из папки бумагу и протянул Халмату:

— Вот.

— „Исключить согласно заявления“, — прочитал Халмат, резко повернулся и направился к выходу.

Юлчи остановил его:

— Сегодня заседание бюро, -- предупредил он.

Халмат махнул рукой и выбежал на улицу.

5

Поработаешь — сыт будешь,
Не поработаешь — выть будешь.

Поднимая „шпорами“ пыль, по улице двигался трактор. Неожиданно путь ему преградила появившаяся из-за поворота арба. На арбе был Ходжи-тараз. Взглянув на тракториста, он рассмеялся:

— А-а... чайханщик! Салам! Поздравляю!

— Тебя, кажется, тоже можно поздравить. Как тебе нравится

твое новое занятие? Разобрал уже, что лучше: на арбе работать или у председателя на побегушках быть?

— А ты разобрал уже: в чайхане на боку лучше лежать или на тракторе работать?

Мамат-кабул отпустил тормоз.

— Ну, довольно болтать, — сказал он строго. — Освобождай дорогу, а то расплющу тебя с твоей арбой!

Ходжи-тараз, однако, и не думал сдаваться.

— Не торопись, — рассмеялся он, поворачивая вдоль улицы. — Ну, вспашешь сегодня одним аршином меньше. Поедем вместе.

Трактор и арба пошли рядом. Ходжи-тараз снова принялся подсмеиваться над Мамат-кабулом:

— Мамат-кабул, говорю, где же твоя перепелка?

— А вон она на арбе. Ишь как заливается!

Ходжи-тараз расхохотался:

— Нет, ты ошибся, на арбе петух!

— А если и петух, то ощипанный. Вчера на собрании тебя ощипали, с коня, как говорится, ссадили.

— Меня что! Вот Халмат-ака, так того и с седла скинули, — еще громче расхохотался Ходжи-тараз, но вдруг спохватился и резко оборвал смех: — Ойе, палван, я чуть не проехал!

— Болтать надо поменьше, — усмехнулся Мамат-кабул.

Ходжи-тараз свернул в переулочек.

— Держись, Тараз! — крикнул ему вслед Мамат-кабул. — За руль трактора Мамат-кабул сел, теперь ты и удобрения не успеешь подвозить!

— Ладно, поспорим! — прокричал ему в ответ Ходжи-тараз и громко, во весь голос запел.

6

Тигр с пути своего не свернет,
Йигит слову своему не изменит.

Беззаботно помахивая каччой, Ходжи-тараз выехал на главную улицу. Он только что кончил петь одну песню и теперь с увлечением затаил повью:

Удивлен я, поражен,
Наш раяс упрям, как слон:
Скинули его с коня,
А с седла не сходит он, —
Эх, чу!..

Проглотив последние слова песни, Ходжи-тараз остановился, — перед ним стоял Халмат.

— А, Тараз! Сулейман умер, и дэвы возрадовались. Ишь зевло разинул! — Халмат схватил за повод коня и зарычал: — Что-то очень весел ты, видно, Юлчи вернул ключи от амбара?

— Вы... это самое... — растерянно пробормотал Ходжи-тараз.

— Жиром оброс! — не унимался Халмат. — Забыл видно поговорку: „Вероблюда ветер подхватил, козу на небе ищи?!“

— Нет... не забыл...

Ходжи-тараз низко склонился к хомуту.

— Ходи, да оглядывайся. Я еще жив. Песни будешь петь, когда Халмата не станет. А пока не давай воли языку!

— Хоп, братец! — послушно пролепетал Ходжи-тараз и тронул было поводом коня, но Халмат остановил его:

— Вечером пригонишь арбу прямо ко мне на двор...

— Зачем? Еще...

— Халмат никогда не говорит дважды!

Ходжи-тараз окончательно растерялся.

— Вы затеяли нехорошее, — залепетал он испуганно. — Кочевать собрались. Вы и на меня беду накличете. Откажитесь от задуманного, раис...

— Мне и без твоих наставлений тошно!

— Хоп, хоп!

Ходжи-тараз с опаской взглянул в сторону правления колхоза и понукинул коня. Халмат еще раз предупредил его:

— Помни, Халмат не говорит дважды! — и решительно направился к своей калитке.

Скоро в доме Халмата начался настоящий погром. На террасу полетели ковры, кошмы, одеяла, подушки, закричали по полу сундуки, загремела посуда. Не удовлетворившись и этим, Халмат принялся гоняться за курами, поймал двух, связал им ноги подвернувшейся под руку тряпкой, швырнул на террасу, и только после этого тяжело опустился на стул. Посидев с минуту, он сунул руку в карман за тыкважкой с насом. Рука его натолкнулась на смятую бумагу. Это была выписка из решения правления. Он выругался и с остервенением принялся комкать ее, даже позабыв о себе.

Мунис-хан, грустная и задумчивая, стояла, прислонившись к столбу террасы. Тетушка Саври сидела на ступеньках и, ни к кому не обращаясь, твердила:

— Едет и пусть едет, а я не поеду!

Разъяренный Халмат вскочил со стула:

— Замолчи, замолчи, тебе говорю! — заорал он.

Однако тетушка Саври была не из таких, что сдаются без боя.

— Не поеду, не поеду и все!.. — твердо заявила она.

Халмат, как ужаленный, вскочил со стула и с видом человека, который долго искал выход из создавшегося затруднительного положения и, наконец, нашел его, закричал:

— Да, не поеду, не поеду и все!

Тетушка Саври кинула быстрый взгляд в сторону мужа. Мунис-хан очнулась от своей задумчивости и вопросительно посмотрела на отца.

— Не поеду и все! — повторил Халмат. — Юлчи меня прогнал, видишь ли! Да-да, раньше, может быть, и уехал бы, а теперь не уеду, на зло не уеду!

Халмат, словно грозя кому-то, поднял руку и, увидев зажатую в кулаке бумагу, принялся рвать ее на мелкие части и швырять на пол. Тут он заметил связанных кур, некоторое время недоуменно смотрел на них, затем решительно нагнулся и развязал им ноги. Куры с кудахтанием спрыгнули с террасы во двор. Халмат распрямил спину и, с облегчением вздохнув, направился было к своему стулу, но тут взгляд его упал на Ходжи-тараза, стоявшего на пороге калитки, и он снова загорелся гневом.

— Не поеду, сказал, не поеду! — закричал он. — Убирайся со своей арбой!

Ходжи-тараз растерянно заморгал и зачастил, словно оправдываясь:

— Нет-нет, Халмат-ака, никакой арбы нет! Вас на бюро вызывают.

— А-а... — вспомнил Халмат и грузно опустился на стул.

— Сколько шуму из ничего, — с укоризной взглянула на мужа тетушка Саври, направляясь с охапкой подушек в комнату. — Растархтелся, что мешок с орехами. Большие люди сами заявление подают, чтобы их перевели на работу в поле, а он упирается, а он упирается...

Халмат досадливо махнул рукой и понуро опустил голову.

7

— Все имеет свое начало и свой конец.

Джафар ата, встрепенувшись, поднял голову и недоуменно оглянулся: он сидел на стуле в коридоре правления. На стене, суетливо помахивая маятником, тикали ходики. Проснувшись окончательно, Джафар-ата встал и подошел к часам.

— Бой-бой, пять часов! — удивился он. — Неужели они все еще не кончили?

Старик подошел к двери с надписью: „Партком“ и рывком открыл ее. В коридор ворвались клубы табачного дыма. Понюхавшись, голос Ави́з-хана: „Вопрос ясен, товарищи. Халмат-ака и сам признал свои ошибки. Теперь можно перейти к пре-ложени-ям. Есть два предложения: первое — исключить Халмата-ака из рядов партии, и второе — ограничиться вынесением ему строгого выговора. Голосую, кто за первое предложение... Один человек...“ Джафар-ата поспешил закрыть дверь, вернулся на прежнее место и опустился на стул. Он некоторое время сидел, задумавшись, затем тихо заговорил сам с собой:

— И правильно делают... Халмат-бай, правда, зазнался немного, и меня он обидел ни за что, но все-таки он любит землю и хлопок...

Дверь парткома неожиданно открылась. В коридор вышел Халмат. Не замечая поклона Джафара-ата, он молча прошел по коридору, сошел по ступенькам террасы и повернул налево к сво-

ему дому. Джафар-ата вышел на террасу. Не доходя десятка два шагов до своей калитки, Халмат замедлил шаги, потом остановился, несколько минут постоял в раздумьи, повернул назад, затем своротил направо по главной улице кишлака и пошел, с трудом переставляя ноги, словно плечи ему давила тяжелая ноша...

* * *

Солнце уже поднялось над горизонтом. Джафар-ата, собравшись домой, сошел с крыльца и остановился: к правлению, развезая полы яхтака, торопливо шел Халмат.

Из-за угла правления показался Юлчи. Он подошел к крыльцу и остановился рядом с Джафаром-ата.

— Вот...

Халмат еще издали протянул руку, показывая на ладони комок сдавленной в горсти земли. Юлчи хотел взять землю, но Халмат отвел руку.

— Ты не знаешь. Вот отец — хорошо знает, — сказал он и протянул комок земли Джафару-ата. — Взгляните на эту землю...

Джафар-ата взял землю, размял ее на ладони.

— Это с заброшенного участка, того, что около сломанного чигиря, — помолчав, проговорил он.

Халмат, стараясь скрыть волнение, обернулся к Юлчи:

— Хочу испытать на этой земле свое счастье, Юлчи-бай!

Юлчи задумался.

— Что, не нужно? — резко спросил Халмат, поняв это молчание по-своему.

— Почему? Нужно, — вскинул на него взгляд Юлчи, — обязательно нужно. Только...

— Что "только"? — не дал ему договорить Халмат. — Тяжело будет, думаешь? Я осилю!

— Воды там...

— В этом году обойдемся чигирем. Нужны только люди...

— Люди? — Юлчи повернулся к двери правления. — Идемте.

Халмат и Джафар-ата направились вслед за Юлчи и, поднявшись на террасу, по коридору прошли в канцелярию. Юлчи обвел взглядом помещение. Здесь сидело немало людей, и у каждого над столом табличка: „главный бухгалтер“, „помощник главного бухгалтера“, „счетовод“, „помощник счетовода“, „кассир“, „главный табельщик“, „помощник главного табельщика“ и много других.

— Вот вам и люди, — обернулся Юлчи к Халмату. — Вы, будто нарочно, заранее подобрали их для своей бригады. Мне хватит одного бухгалтера и кассира.

Халмат горько усмехнулся:

— В поле мне, пожалуй, придется над каждым из них зонт держать...

Юлчи поспешил успокоить его.

— Все они выросли под нашим солнцем, привыкнут, — сказал он. — Вот и Джафар-ата будет с вами. И телушку Саври можете

взять. На восстановление чигира мобилизуем плотников из других бригад. А завтра трактор вам pošлю...

Халмат некоторое время пристально смотрел на Юлчи, неожиданно обнял его и, чтобы скрыть навернувшиеся слезы, заспешил к выходу.

— Он всегда вот так, — глядя ему вслед, сказал Джафар-ата. — Горячий человек...

8

Моих страданий, муки той не знаешь ты,
Что сердце терпит в разлуке злой,
не знаешь ты...

Мунис-хан оборвала песню, отодвинула в сторону блюдо с нарезанным луком и, вытирая рукавом слезы, взглянула на мать.

— Отец придет и опять начнет шуметь, — сказала она грустно.

Занятая на кухне тетушка Саври обернулась к дочери:

— Что это ты плачешь, доченька?

— Лук злой очень...

Тетушка Саври улыбнулась.

— Да, этот лук... — сказала она ласково. — А о дувале не беспокойся. Отец покричит, пошумит и перестанет. Что он, враг своей дочери?.. Выбили ему овчинку, и следует; не задирай нос, не забывай про дело.

— Что?!

Тетушка Саври и Мунис-хан разом обернулись к двери: на пороге стоял Халмат.

— Что это ты, госпожа хорошая, не на работе? — строго сказал он. — Вот понадешь в мою бригаду, я тебе покажу, как колхозную дисциплину соблюдать!

— В какую-такую бригаду? — подняла голову от котла тетушка Саври.

— В мою бригаду.

Тетушка Саври улыбнулась, но тут же подавила улыбку.

— Не стану я работать в вашей бригаде!

— Это почему же?

— Не стану и только!

— А у кого же вы будете работать, почтенная?

— У Азиз-хана. Мне и дома надоели ваши придирки!

Халмат вскинул брови, потом нахмурился.

— Тихе ты, — сказал он строго, — соседи услышат, скажут жена председателя с ума сошла!

— Какой же вы председатель? — усмехнулась тетушка Саври.

— Довольно, не срами меня!

— Сказала: буду работать у Азиз-хана, и все. Он хороший. Это вы только его не любите.

— Когда это я говорил, что не люблю его?

Тетушка Саври молча прошла мимо Халмата во двор, присела на корточки у арыка и принялась мыть рис.

— Так когда же я говорил, что не люблю Азиз-хана? — повторил Халмат, подходя к арыку. — Вот я сейчас...

Он взял из арыка кетмень и решительно направился к тому месту, где был заложен пролом в дувале.

— Вот я...

Халмат замахнулся кетменем и тихо опустил его: пролом оказался уже открытым.

Халмат недоуменно взглянул на жену, затем на дочь.

— Салам, Халмат-ата!

Халмат обернулся: в проломе, сложив почтительно на груди руки и склонив голову, стоял Азиз-хан...

Халмат протянул ему руку:

— Заходите, сын мой...

Перевел с узбекского Н. Ивашев.

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ

Снежинки вьются мотыльками —
Они пушисты и чисты...
Но в этот час перед глазами
Встают весенние цветы.

Лихой мороз лесным узором
Покрыв поблекшее стекло.
Но в эту ледяную пору
В груди — весеннее тепло.

Метет метель неумолимо,
Но злоба стужи — не страшна;
В моей душе неугасимо
Живет бессмертная весна.

* * *

Солнцу вечно гореть суждено.
Злые тучи и ливень густой
Погрозят — и умрут.
А оно —
Засияет опять над землей.

Каждый день — с незапамятных лет
Солнце снова над миром встает.
Но кому не отраден рассвет?
Для кого не отраден восход?

О отчизна! Родная страна,
Ты мне сердце любовью зажгла.
Словно солнце — бессмертна она
И как утро — свежа и светла.

Перевел с узбекского
Мих. Быкадоров.

МИРМУХСИН

МАЛЬЧИКУ

В поднебесье взлетают птицы,
Над цветами — пчелиный рой.
В колыбели малыш круглолицый
Ловит утренний луч золотой.

Луч скользит и бежит от ладони —
И смеется, смеется малыш...
Будет день — ты его перегонишь
И горячей душой покоришь.

Будет время — бескрайние дали
Станут воле покорны твоей.
Мы дрались — и врага побеждали
Ради жизни бесстрашных детей.

Победитель в солдатской шинели
Входит в дом и на сына глядит;
Рядом с ним — у твоей колыбели
Счастье верной подругой стоит.

В поднебесье взлетают птицы,
Над цветами — пчелиный рой.
Поднял руки малыш круглолицый,
Ловит утренний луч золотой.

Перевел с узбекского
Мих. Быкадоров.

ЗАМИРА

Еще над строем белых гор
Восход лучей не распростер,
Еще молчит пернатый хор, —
Проснулась рано Замира.

Так с детских лет заведено:
Вставать с рассветом заодно.
И вот ударное звено
Ведет на поле Замира.

Здесь все проворны и дружны.
Куда ни глянь — кругом видны
Побеги радостной весны, —
И средь побегов — Замира.

Здесь каждый куст — живейший плод
Больших трудов, больших забот.
Для счастья родины живет
Сестра победы — Замира.

Она живет в цветах полей,
Как мать среди своих детей,
И что ни день — все горячее
С землею дружит Замира.

...Куда ни глянь — кругом видны
Побеги трудовой весны.
Душе на радость — для страны
Растит богатство Замира.

Перевел с узбекского
Мих. Быходоров.

МОЛОДЫЕ ПОБЕГИ

ОЧЕРК

Земля почуяла весну, ее всеильное дыхание. Зазеленели в полях люцерна, ячмень. В розовое одеяние приоделись деревья урюка, в лилово-розовое — персиковые. Цветение их похоже падали на легкую и ароматную пену. Кажется, будто она тает под горячими лучами солнца и, разливаясь вокруг, струит тонкий бодрящий запах.

Как ни рано пришла весна, а рад ей председатель колхоза Джурабеков больше, чем в прошлые годы, когда она запаздывала или приходила к сроку. По многим причинам рад. Старики по приметам говорят о высоком урожае. Но другая примета куда поважнее и значимее для Джурабекова — людская радость, подмеченная им в эту весну. Радость принесли газеты. И хотя Джурабеков сам накануне слышал о ней по радио, все же газету со сталинским документом, как назвал он постановление февральского пленума ЦК ВКП(б), перечитал несколько раз.

Крепко написано! В каждой строчке — насущное, то, чего ждали колхозники. Что ни слово, то забота о них. Только Сталин может так глубоко понимать сокровенные думы колхозников, знать, чем они живут, что нужно сделать, чтобы жили они еще лучше.

Не утихла в груди первая бурливая радость, а тут другая подвалила: самая высокая награда простым людям за их безупречный труд! Что может быть для колхозника выше звания Героя социалистического труда? И такая честь выпала звеньевой соседнего колхоза комсомолке Михри...

Джурабеков, довольный всем, раскинул руки. Он словно хотел выразить этим жестом свою радость, как если бы он сам удостоился высокого звания Героя социалистического труда. Лицо его, опаленное солнцем и теплыми весенними ветрами, приветливо заулыбалось от нахлынувших в душу чувств. Бывают же такие счастливые весны!

Председатель колхоза подошел к заседланной лошади, привязанной к морицинистому карагачу, еще не успевшему пустить душистый лист, ласково потрепал гнедого по гриве, похлопал по шее. Сощуриив черниватые с лукавинкой глаза, посмотрел на ветки

карагача с набухшими почками и подумал: весна торопится, успевать надо за ней.

А ранняя весна будто спешила поскорее захватить землю в свою власть, приодеть ее. Ожила трава и заслонила своей буйной зеленью прошлогоднюю засохшую щетину. Каждую минуту могли раскрыться пахучие почки и как изумрудная слеза блеснуть на солнце клейкими молодыми листьями.

Джурабеков все примечал. Весеннее настроение заметнее всего было на людях. Обновление в природе полонило и их, и каждый будто увереннее вступал в жизнь. И председатель понимал: веру вселял сталинский документ большой и вдохновляющей силы. Эта сила питала людей надеждой, как земля пробуждающуюся в природе жизнь своим обильным соком.

Жажда деятельности обуяла всех. Тяга к труду в эти дни была всеильна. К председателю приходили колхозники, просили работы. Он давал ее людям и молчаливо радовался движению, который замечал в их душе. Он знал, отчего это произошло... Их настроение Джурабеков выразил секретарю колхозной парторганизации просто:

— Дело пошло на поправу. Организуй-ка соревнование.

И он не ошибся. Садовники старательнее прежнего высаживали яблони, груши, вишни, открывали виноград, пустивший смелые побеги. Звеньевые на полях по несколько раз в день проверяли — не появились ли первые всходы. Стремление в природе быстрее набирать силу, расти и крепнуть поднимало в людях их собственную веру в самое лучшее, к чему могли стремиться колхозники.

Джурабеков тоже подпал под их влияние. Он не мог не думать о звеньевой Михри. Она, как смелый молодой побег, манила к себе гордой славой. Любуйся и подтягивайся! У него в колхозе неплохие звеньевые; они сняли хороший урожай, а против Михри не вытянули. В чем тут дело? Он вынул из кармана свернутую газету с фотографией звеньевой, прочитал коротенькую подпись. И как ни велика была его радость за звеньевую другого колхоза, где-то в глубине, как иголкой, кольнуло: почему такая слава не его звеньевому?..

Джурабеков проезжал мимо работавших бригад. Женщины собирали сорняк на полях, большими охапками выносили его на межу и сжигали. Мужчины очищали оросительные каналы, бороили на волах, маловали почву, подносили в ведрах семена к тракторным сеялкам. Вместе с матерями работали подростки, выполняя посильный труд. Такого выхода людей в поле давно не бывало.

Возле раскидистой ветлы, росшей у хауза, молодая девушка, звеньевая первой бригады, смачивала семена свеклы. Смугло-золотистые семена жадно впитывали влагу и, будто нежась на солнце, вбирали живительное тепло его лучей. Аманова Бури, — так звали звеньевую, засучив рукава платья, старательно перемешивала семена крепкими раскрасневшимися руками. Синяя шелковая косынка, перехватывающая ее тонкие косички, сбилась на

затылок. При виде председателя, Бури быстро приподнялась, вскинула голову, блеснула глазами.

Джурабеков коротко спросил ее:

— Выходит?

Она поняла его и утвердительно кивнула головой. Председатель прыгнул с лошади. Они зашагали к полю. Джурабеков, присев на корточки, стал рассматривать всходы свеклы. Нежные, бледно-зеленые лепестки, только что выглянувшие из почвы, казались совсем слабенькими, неокрепшими, но уже радостно взирающими на мир.

Председатель хотел сказать девушке, чтобы она в нынешнем году постаралась перегнуть Михри, но вместо этого спросил, знает ли Бури о последнем Указе? Аманова ответила, что агитатор сегодня рассказывал об этом, и тише, как показалось Джурабекову, добавила, словно угадав его мысли:

— Догоню...

Он поднял голову.

— Давай-ка, я поддержу тебя... — Глаза его блеснули, выдав беспокойные мысли.

Джурабаев присгнул пальцем затвердевшую корку земли, поковырял ее.

— Задохнутся всходы, разбивать надо.

Они поговорили о том, как лучше это сделать, и решили немедленно начать шаровку свеклы. Потом председатель направился в бригаду. Он не заметил, как вылетел испуганный жаворонок и, поднявшись в воздух, тотчас забыл о своем испуге; с высоты, как невидимый ручей, полилась его песня и неумолчно зажурчала в лазурном небе.

Лошадь Джурабекова трусила мелкой рысцой. Мысли его снова и снова возвращались к славе звеньевой соседнего колхоза, Михри.

Нынче площадь посева в колхозе увеличена в пять раз, а засеяна пока еще половина. Весна не ждет, весна торопится. Легко сказать — уложиться в сжатые сроки сева, но сделать это труднее.

О прошлогоднем урожае его колхоза говорили, что он рекордный. Большой урожай свеклы в стране снимали только отдельные звенья. Так добились славы Мария Демченко на Украине. О ней много писали в газетах. Это было еще до войны. Звеньевая Михри собрала по 810 центнеров свеклы с гектара! Выходит — высокий урожай дает и узбекская земля. Честному труду все под силу. Свекла любит уход, а Михри — труд. Правду говорят: у труда родная сестра — слава.

Как же получить урожай выше прошлогоднего? Джурабеков перебирал в памяти все, что слышал от других и знал сам. Надо было найти какие-то еще неизведанные пути, чтобы поднять урожайность. Внутренний голос подсказывал ему — поехать к Михри, посмотреть, поговорить, поучиться... Он уцепился за эту мысль, как за спасительное средство. Но тут же подумал о стариках, о своих опытных бригадирах. Что они скажут, не обидятся ли? Может быть послать звеньевую Бури? У нее хватает смекалки. Мо-

лодая, но сама себе на уме. С достойной поговорит, сама достойной будет...

С этими мыслями он добрался до полей дальней бригады.

В ожидании, когда с косогора спустится „Универсал“, председатель проверил глубину заделки семян. Возле него появился колхозный агроном Бердымуратов, безусый парень в пиджаке с торчащими из кармана маленьким блокнотом и карандашом.

— По сколько засеваете? — разгребая бороздку, спросил председатель.

— По одиннадцать.

— Тяни до пятнадцати. Сев скорее кончать надо. Земля сохнет...

Подошел секретарь партийной организации, весь подобранный, в военной гимнастерке, туго перетянутой офицерским ремнем. Заговорили об ускорении темпов сева. Джурабеков горячился. Он говорил, что сеют медленно, хотя в бригадах и перевыполняют дневные нормы. Он ссылаясь на весну... Полевые колхозные работы должны поспевать за ней...

А трактор гудел совсем близко. За сеялкой, как дымок, поднималась тучка пыли. Председатель поднял руку. Чумазый „Универсал“ остановился. Лица тракториста и сеяльщиков, их одежда были бурными от пыли. Лишь сверкали глаза, да атели влажные губы.

— Ты знаешь, твой „Универсал“ — молодец и ты — молодец! — обратился Джурабеков к трактористу. — Работаете хорошо, но надо еще лучше... Нажмите до пятнадцати. Премирую, обязательно премирую...

Тракторист — парень лет семнадцати, не больше, растерянно пожал плечами. Он не понимал, почему требовалось еще „нажать“, если и так в колхозе его никто не обгоняет. Он потербил фуражку, посмотрел на Джурабекова и улыбнулся: „мол, ладно, нажму“.

Джурабеков тоже улыбнулся. Пареньку стало совсем весело. Он рассмеялся и быстро вскочил на сиденье. Трактор вздрогнул и потянул за собой сеялку.

Председатель смотрел на удаляющийся трактор, на пыльные спины сеяльщиков и думал: „Сделает, этот сделает...“ Перед ним опять всплыла звеньевая Михри. Она не оставляла его ни на минуту.

Он отдал распоряжения агроному, напомнил секретарю партийной организации об Указе и передал ему газету. Тот ответил, что сегодня собирает вечером людей на полевом стане.

— Побольше пусть говорят о Михри. Слава крылата, она поднимает людей...

И решение пришло сразу. Джурабеков по-молодецки взобрался на лошадь.

— Сегодня она будет выступать у нас. Я привезу ее...

Он взмахнул камчой. Послушная лошадь понесла его на поля соседнего колхоза, где работала Михри. Мысль о героине не тревожила больше: ее заслонила колхозная весна со своими заботами.

Такой беспокойно-счастливой весны еще не было. И все от того, что она ранняя и врасплох захватила Джурабекова своим половодьем.

К. НОВОСЕЛОВА

ХРАНИЛИЩЕ СОКРОВИЩ КУЛЬТУРЫ

Памятники древней культуры народов, населявших земли Средней Азии, издавна являлись предметом внимания ученых. Необычайный интерес к вновь открытому богатейшему краю с древней культурой и необъятной историей был всесторонним: хотелось собрать все ценное, все сохранить.

Особенным вниманием в дореволюционные годы пользовались археологические памятники Самарканда — его монументальные здания, послужившие отправным пунктом для изучения среднеазиатской архитектуры. Изучались орнаменты, изразцы, конструкции куполов и перекрытий, формы арок и колонн, подготавливалась почва для серьезных архитектурных исследований.

Вскоре появилось большое количество агентов иностранных антикварных фирм, скупавших уникальные остатки материальной культуры края. Было замечено, что масса собранных драгоценных коллекций и вещей безвозвратно уплывает за границу.

И вот, в маленькой газете „Окраина“ появилась заметка Заборницкого, указывавшая на необходимость открытия такого учреждения, которое бы взяло на себя функции систематического собирания и хранения всех редкостей края, а также изучения их и показа широкой публике.

После этого выступления прошло долгих три года неутомимых ходатайств, прежде чем было получено разрешение на открытие при Самаркандском областном статистическом комитете „Музеума“. Это было в июле 1896 года.

Музеум поместился в небольшой деревянной пристройке, прилегающей к церкви, и носил характер маленькой кунсткамеры. Здесь были частные пожертвования археологов-любителей, бессистемно собиравших „коллекции“ непаспортизованных вещей; дилетантские снимки „жанровых сцен на туземные темы“; подарки местных охотников, в виде чучел птиц и скелетов животных; украшения, ювелирные вещицы, немного керамики, какие-то незначи-

тельные монеты, энтомологические и гербарные коллекции и образцы горных пород и минералов. Ни на какое научное значение подобное учреждение, естественно, претендовать не могло. В 1911 году было отстроено новое здание музея — кирпичное, в готическом стиле с прохладными сводами и стрельчатыми высокими окнами, застекленными цветными стеклами. Размещенный в нем, вместе с залом для народных чтений и библиотекой, музей принял более солидный характер, но существенных изменений в общей системе его работы не произошло.

Только после Октябрьской революции это учреждение приняло форму научного. С 1920 до 1923 года велась обширная работа по собиранию нумизматических коллекций; Самкомстарие поставлял огромный раскопанный археологический материал. В музее наметились отделы: археологический, военный, этнографический, минералогический, зоологический и ботанический. Но несмотря на эту систему, вполне укладывавшуюся в рамки нашей современной музейной систематики, в нем процветал сухой академизм и он был оторван от жизни. Поэтому в 1930 году музей был решением П курултая Советов Узбекистана реконструирован в Республиканский музей; перед ним были поставлены задачи научно-исторической пропаганды и культурно-просветительной работы.

Белая металлическая решетка увита темной зеленью хмеля, яркими лозами винограда. За ней — сад, полный старых деревьев миндаля, махрового жасмина и роз. Маленький белый дом заключает в своих четырех комнатах экспозицию предистории и античности Средней Азии. Результаты раскопок стоянок первобытного человека на территории современного Самарканда свидетельствуют о том, что место это издавна было предпочтено нашими предками многим другим местам. Кремневые скребки и ножи, каменные наконечники стрел, черепки древней посуды из глины, обожженной на солнце, отпечатки грубых тканей — таковы исторические подлинники отдела предистории. Дальше развернута широкая картина доахеменидского периода. Материалы древнейшего в мире письменного источника Зенд-Авесты иллюстрированы материальными атрибутами истории — вещами, документами, произведениями искусства.

Истина всегда конкретна — этот нестареющий постулат материалистической философии хорошо осознается именно в музее, где историческое знание внедряется при помощи красноречивых, правильно размещенных вещей.

Зороастрийская религия, для которой трудолюбие — главная добродетель. Культ огня и рек, культ поклонения солнцу и земле, поэтической богине воды Ардвисуре Анахите „сверкающей блеском всех рек, текущих по земле“, богу воздуха Ваю, богу звезд — Тиштрия и богу луны — Маонга. Религия дуализма, религия вечной непримиримой борьбы света — добра со злом — тьмою. Всепобеж-

дающий, справедливый Аурамава, говорящий от имени земли: „Человек, который пашет меня левой рукой и правой, правой и левой, вечно я буду помогать тебе, приносить тебе всякого рода пищу, все, что могу принести помимо зерна полей“. Рядом — его антитеза Ахриман, дух-предводитель злонаправных дево злобы и лжи — Айшмы и Друджа. В экспозиции показаны тучные пастбища и поля земледельцев, скотоводов, охотников, великолепные изделия из стекла, камня, кости; показана превосходного качества керамика, свидетельствующая о высоком уровне ремесел Согдианы и Бактрии. Показана борьба наших предков за свободу и независимость народа. Вспоминаются страницы Ктесия и Геродота, описывающие верность, нежность и мужество женщин народа, — Томирис, Зорина. Вспоминается сага о сакском пастухе Шираке, заведшем войско покорителя-перса Дария в бесплодную пустыню, где единственным растением был розовый тамариск. Ширак умер со словами: „Вы пришли, чтобы поработить моих соотечественников, я... привел вас туда, где вы умрете от голода и жажды.“ Такими были наши предки, скифы. Они умели быть искусными ремесленниками, скотоводами, земледельцами в мирной жизни, они умели быть смелыми и непобедимыми в бою.

В основном весь отдел оснащен и иллюстрирован коллекциями Виткина, собранными им на Афросиабе, и коллекциями Столярова, давшими уникальный металл и изделия из полудрагоценных камней (сердоликовые вазы, блюда и пр.). Кроме того, большой раскопчный материал был собран на Афросиабе работниками музея — преимущественно фрагменты панелей, фриз, капителей колонн, пилястров, деталей орнамента арок, постаментов из обожженной неглазурованной глины, мрамора и известняка. Отдел замыкается изящным медальоном с изображением всадника, повидимому, являющего образ местного жителя этой древней эпохи.

* * *

Распластав лазурные хвосты на белом мраморе крыльца, сидят павлины. Кажется, для просушки вынесли искуснейшим образом изготовленные чучела — ведь мы в музее. Но при первом шаге на ступени стая сплывается с легким гортанным криком и скрывается в чаще желтых лилий у арка.

Монголы. Станные имена диких военачальников жестокого Чингиз-хана. Карта кровавых походов монгольских войск. Так вот они двигались по нашей земле, как показано на миниатюре эпохи; метали в нас вот такие стрелы. Луки их были вот такими небольшими, легкими и очень изогнутыми. Сам Чингиз сидел где-то в саду, полном цветущих роз и гиацинтов, позади его трона из lapisлазури, яшмы и золота стояли его багадуры-телохранители с широкими мечами в руках. Перед ним — сыновья в шлемах и доспехах, переоясанные кривыми саблями; сыновья Чингиз-хана, разорвавшие в клочья сколоченную огнем и кровью огромную империю отца. Вот этот — Чагатай, в удел которого был

отдан Мавераннахр с Самаркандом. Лицо почти стерто временем. Таким было и его управление, сданное на руки подставных лиц, правивших „великим именем“. Героическое сопротивление самаркандцев, бившихся за город и отстоявших его; неукрепленный даже стенами город был отбит, и многотысячная армия монголов была отброшена в сторону Семиречья. Историк пишет: „Повесив колчан за плечи и скрестив на груди руки, они ушли в степь“. Они ушли в степь, из которой пришли, оставив крепости и укрепленные толстыми стенами замки своих нойонов и вельмож — фрагменты стен этих крепостей, в виде резного кирпича и полуглазурованные фигурных плиток, мы видим в маленькой витрине рядом с образцами тисненой терракоты, алебаstra и рельефных кусков глиняной штукатурки. В этот период появляется искусство китайского обжига глиняной посуды, новый орнамент из птиц и животных, новые рецепты глазури и керамических красок.

Идеалом каждой музейной экспозиции является воспроизведение исторического процесса в максимальной конкретности. В этом смысле отдел Тимура идеалом не является. Следует, однако, отнести это не за счет недостаточности фонда музея, не обеспечивающего вещами такой значительный раздел, а единственно за счет особенностей остатков материальной культуры той эпохи, слишком монументальных для интерьерной выставки. Огромная строительная деятельность, развитая Тимуром в Самарканде, сочеталась с разрушительной и грабительской его деятельностью в покоренных странах. Грандиозные сооружения мозаичных дворцов, мавзолеев, мечетей, украшенных мраморным кружевом, золотом и цветными изразцами; майоликовые своды чудесных медресе, бань и крытых базаров — все это было сосредоточено в центре тимурова государства, в Самарканде. В довершение всего вокруг Самарканда расположились селения, носившие имена величайших столиц мусульманского мира и символизировавшие величие Самарканда — столицы державы, границы которой были где-то около Аленпо, Брусы и Смирны, у стен Китая, на севере — по Иртышу и на юге — около Дели. Центр населенной части мира, цветник праведных, убежище справедливости, лицо земли — Самарканд. Двусветный зал занят Тимуром и его династией — тимуридами. В центре зала уникальный экспонат — гордость Самаркандского музея — гроб Тимура, поглощающий внимание каждого входящего. И сколько бы раз вы не пришли в этот зал, — вы неизменно поддаетесь гипнотическому влиянию этой необыкновенно выразительной вещи. В дошедших до нас источниках приведены самые разноречивые сведения о подробностях смерти и погребения Тимура. Из современных Тимуров историков ни один не присутствовал на его похоронах, так как, из боязни смут, Тимур, умерший во время похода на Китай в местности Отрар (около Арыси), был тайно доставлен в Самарканд, и тело завоевателя, надушенное камфорой и мускусом, было без всякой пышности так же тайно, почти без свидетелей, опущено в склеп усыпальницы Гур-и-Мира. Поэтому одни считали, что Тимур похоронен в мраморном саркофаге, украшен-

ном золотыми кольцами и запертом на ключ, брошенный в Зеравшан, другие считали, что Тимур просто, как правоверный мусульманин, погребен без гроба; третьи верили Ибн-Араб-шаху, подробно описавшему погребение со слов очевидца, утверждавшего, что гроб, сделанный ширазским ювелиром, был из золота и стали.

Когда экспедиция ученых Узбекистана, вскрыв гробницу Тимура, извлекла его гроб и, заменив его новым оцинкованным гробом, уложила останки завоевателя обратно, Самаркандскому музею был подарен уникальный подлинник. Гроб сделан из тутового дерева, которое, как известно, содержит большое количество дубильных кислот, предохраняющих труп от разложения; это свойство тутового дерева давно известно на востоке, поэтому при погребении знатных и богатых путешественников или купцов, умерших в чужом краю и отправляемых на родину, всегда пользовались деревом тутта. В настоящее время дерево гроба еще довольно прочно, несмотря на то, что прошло около 550 лет со времени смерти Тимура. На крышке гроба сохранились фрагменты обивки из золотой и серебряной парчи, которая, повидимому, ввела в заблуждение честного историка, никогда не предполагавшего, что владетель столь обширных империй, при звуке имени которого люди трепетали „от гор Каф до гор Каф“, мог быть погребен в обычном деревянном гробу, обитом довольно дешевой парчой, как простой китайский продавец пуговиц или кашгарский паломник, совершавший хадж.

Отвлечшись, наконец, от гроба, сразу обращаешь внимание на остатки мраморных досок, служивших, по всей вероятности, для внутреннего украшения зданий. При взгляде на эти чудесные куски мрамора, с бесконечно-разнообразным цветочным и геометрическим орнаментом, становится понятным, почему знаток Средней Азии В. В. Бартольд писал, что эпоха Тимура „была эпохой небывалого внешнего блеска для Туркестана“.

В больших шкафах смонтированы куски изразцов, мозаик и майолик из дворцов и мечетей, образцы резьбы по дереву и породы дерева, использованного на эти поделки. На стендах помещены фотографии главных зданий Тимура и планы этих сооружений. Здесь же помещен гипотетический портрет Тимура, внушающий сомнение, потому что иконография Тимура является областью совершенно неизученной.

Около окна, в правой части зала, расположился отдел внука Тимура — Мирза Улугбека. К сожалению, история почти не донесла до нас ничего, кроме сообщений письменных источников (и то очень скудных), из арсенала предметов материальной культуры того времени, когда жил величайший человек и значительный ученый Востока, каким является Мирза Улугбек. Вещей и документов в отделе Улугбека почти нет, за исключением небольшого количества мраморных осколков панели его обсерватории да нескольких изразцов из его медресе, которое вообще еще сохранилось довольно хорошо. В остальном все экспонаты отдела состоят из иллюстративного материала и вещей, аналогичных тем,

которыми могли пользоваться при дворе Улугбека (астрономические инструменты).

Очень богато представлена керамика тимуридских династий, размещенная в больших шкафах и необычайно многообразная. Трудно, порой, оторваться от блюда с цветком и птичкой, качающейся на гибком, изогнутом под ее тяжестью, стебле. Совершенство керамической техники, несомненно, достигло своего апогея именно в эту эпоху расцвета наук и искусств улугбекова царства. Хорош также металл, показанный очень полно и рисующий картину изысканных вкусов и относительно высокой культуры людей XV века, имевших в обиходе такие изящные и превосходно сделанные вещи.

Выставка „Навои в Самарканде“, размещенная в общем зале с Тимуром и тимуридами, сделана на стене, украшенной резьбой по ганчу. Надо сказать, что по разнообразию и оригинальности орнамента и технике исполнения резьбы современные мастера превзошли мастеров этого рода искусства предыдущих столетий. В основном выставка дает представление о юношеских годах Навои, годах его трогательной и нежной дружбы с Абдуррахманом Джами, изысканность стиля которого Навои вполне оценил в своих ранних посланиях к поэту и изысканным стихам которого он так легко умел подражать.

Низкая дверь вводит нас в комнату шейбанидов. Оранжевая, с пестрыми коврами и щитами со странным оружием, совершенно не похожая на все предыдущие экспозиции, она правильно передает состояние культуры страны, пораженной новым завоеванием кочевников. Постепенная ассимиляция высокой культуры местного населения, но еще сохранившиеся кочевые традиции в костюме, в образе жизни, в отношении к рабам, к представителям науки, искусства, ремесел. Своеобразная манера высоко мыслить о своей особе, витиеватые панегирики поэтов и... портрет царя, собственноручно режущего дыню себе на завтрак. К этому именно времени относится начало регулярных сношений Средней Азии с Московским государством. Торговые записи и книги купцов-работоторговцев, обмен рабов на товары, документы таможенных начальников, взимавших пошлины за проезд по русским рекам, охранные грамоты и челобитные ограбленных купцов.

Эпоха шейбанидов и мангытов была эпохой падения строительного искусства. Выставленные фрагменты изразцов значительно ниже тимуридских и по технике их изготовления и по изяществу орнамента. В изразцах появилась довольно грубо введенная золотая отделка, а также черный, очень глубокий бархатный тон, налагающий, однако, на общий колорит облицовок оттенок мрачности. Хороша и тонка, тем не менее, многослойная резьба по камню на гранитном надгробии Абу-Саидхана, извлеченном из усыпальницы шейбанидов Чиль-Духтарон, и на ажурной каменной решетке, взятой оттуда же. Экспозиция заканчивается вторжением последнего из завоевателей-персов — Надиршаха. XVIII век — век полного упадка Самарканда, опустошенного и вырезанного кара-

тельными отрядами. На развалинах его, — пишет Абу-Тихир-Ходжа, — кроме филина и совы, обитателей руин, никого не осталось.

Подотдел истории, рисующий Туркестан, как колонию царской России, по сути дела является отделом этнографического порядка; в нем превалирует элемент описания быта. Пышность двора вассальной Бухары была известна далеко за пределами Средней Азии, и богатства эмирских сокровищниц не давали покоя многим капиталистам. Бедность и нищета народных масс не была известна за пределами Средней Азии и никому особенного беспокойства не доставляла. Народ изнывал под двойным гнетом национального феодализма и русского капитализма. Очень демонстративная экспозиция экономического и культурного состояния страны в период завоевания. С большим знанием дела подобраны вещевые экспонаты, дающие правильное представление о взаимоотношениях хозяина и работника: мардикера, ремесленника-трепальщика хлопка и бая-работодателя; показан быт женщин, занятых домашней работой; показаны различия быта семей разной материальной состоятельности: от серебряной посуды с превосходной насечкой и красных и синих чайников русской фарфоровой фабрики Кузнецова, ходивших под названием „кармин-чайник“ и „кармин-пиала“, — до примитивной глиняной, сравнительно плохо обожженной утвари, с поливой, далеко уступающей, например, тимуридской или даже скифской рецептуре. Наряду с этим в стеклянных витринах экспонированы вещи, бывшие в обиходе эмиров. Золотошвейные бархатные халаты, сапоги эмира бухарского Музаффера, тюбетейки и даже калоши — бархатные, расшитые золотом, надевавшиеся для парадности в особенно торжественных случаях. Вызывает большой интерес гардероб эмирских жен. Надо сказать, что, несмотря на огромное количество этих последних, туалеты их были роскошны и разнообразны. Перед нами, например, такой гарнитур: широкий халат, вернее, рубашка из бледно-розового тисненого бархата с легким зеленовато-голубым рисунком. У ворота она, приблизительно на двадцать сантиметров, расшита золотом, в виде воротника. От этого золотого шитья вниз опускается широкая полоса той же золотой вышивки, переходящая на подол платья, повидимому, не вполне закрывавшего ноги, обутые в розовые, шитые золотом и серебром, атласные сапожки, с розовой же бархатной подошвой и задником (поражает крошечный размер сапожек, что, однако, вполне естественно, если вспомнить обычай Востока отдавать в замужество девочек, едва достигших 9-10-летнего возраста). Одевание царицы дополнялось традиционной у женщин Бухары налобной повязкой розового газа, расшитой, в виде кокошника, золотом. Вообще, вероятно, вышивка золотой и серебряной канителью, а также подделками ее (померкшими от времени) была в большой моде. Рядом с этими блестящими нарядами красуется огромная кожаная плеть, прохаживавшаяся по спинам нерадивых плательщиков налогов, а также крамольных подданных эмира. Плеть эта носила далеко не символический характер и оставляла вполне реальные

шрамы и рубцы на спинах людей, битых за неугодные эмиру политические убеждения.

Превосходно показано влияние русской культуры на культуру и быт жителей Средней Азии. Показан рост национально-освободительного движения и раскрыта связь его с русским революционным движением в России, возглавленным партией Ленина — Сталина. Множество документов, вещевых подлинников, фотографий, живописных экспонатов делает этот отдел одним из интереснейших в музее, несмотря даже на несколько устаревшую форму экспозиции этнографической его части, при которой использованы макеты и муляжи, оставляющие ощущение паноптикума.

* * *

Разнообразие сложных исторических проблем, решаемых нашими музеями, необычайно развило и продвинуло вперед технику музейного дела в части теоретической, а богатство фондов, которыми располагают музеи в СССР, обеспечило им заслуженное признание самых передовых музеев мира, так как простота и глубина экспозиций, блестяще оснащенных вещевым иллюстративным материалом, делает их подлинными произведениями искусства. Но не только этим славны музеи нашей страны, не только многоплановыми выставками памятников искусства и материальной культуры, а и большим познавательным-философским содержанием, во все это вложенным. Ленин писал: "Жить в обществе и быть свободным от общества — нельзя". И музейное искусство партийно, как всякое вообще искусство. Поэтому постановление ЦК ВКП(б) об искусстве вкоре изменило содержание работы Самаркандского музея. Все силы были брошены на реэкспозицию отдела современной истории. Девизом отдела была взята цитата из резолюции VIII съезда ЦК КП(б) Узбекистана:

... трудящиеся Узбекистана, под руководством коммунистической партии, при помощи передового русского рабочего класса, быстро преодолели свою экономическую и культурную отсталость и превратили Узбекистан из аграрно-сырьевого придатка царской России в цветущую, передовую социалистическую республику, равную среди равных в великом созвездии могучего и непобедимого Союза Советских Социалистических Республик."

Первый раздел посвящен Октябрьской социалистической революции, эпохе интервенции и гражданской войны, роли Фрунзе, Кагановича, Куйбышева и Ворошилова в процессе формирования Советской Средней Азии. Интересно экспонирован отдел борьбы с басмачеством, снабженный большим количеством документов и фотографий. Далее показаны народные республики Бухары и Хорезма и, наконец, мирное строительство после окончательного национального размежевания Средней Азии.

Затем идет детализация развития Узбекской республики — рост ее промышленности и сельского хозяйства. Много места уделено показу народных строек — грандиозных оросительных систем (Ля-

танский и Ферганский каналы, Катта-Курганское водохранилище, строительство электростанций и пр.) и культурному росту Узбекистана в области здравоохранения, народного образования, общей перестройки быта трудящихся республики. В части колхозного сельского хозяйства приведены любопытные цифры — введение новой агротехники, внедрение новых растительных технических культур, до этого в республике не возделывавшихся. Большое место отведено Конституции СССР и Конституции Узбекистана.

Наконец, Узбекистан показан в период Великой Отечественной войны. Экспозиция этого отдела выполнена блестяще. Высокохудожественные экспонаты делают ее самым впечатляющим местом музея. Надо сказать, что над пополнением этой выставки, входящей в Отдел Современности, потрудились немало талантливейших мастеров живописи, литературы, скульптуры и музееведения Союза. Экспонаты выставки отмечены такими именами наших русских художников, как Фаворский, Фальк, Моор, Касиян, Герасимов, не говоря о молодых талантливых художниках — которые с радостью отдавали свое искусство на дело патриотической пропаганды. Великолепные материалы, использованные ими — ведь каждый жертвовал самым лучшим из того, что у него было — придают особую прелесть созданию трудного военного времени. В финальной комнате — знамя и бюсты Ленина и Сталина. Лаколично, строго, но очень просто и близко.

Мы выходим из экспозиционных помещений. Солнце, нагревшее кирпичные дорожки розария, служит в музее великим дезинфектором. Под его беспощадными лучами разостлана целая коллекция изумительных ковров и паласов. Весь цветник застлан бархатными драгоценностями. Неизвестно, где цветник: в клумбах или на тропинках... Так убивают моль. Козочка, гуляющая в саду, склоняется мягкими губами к какой-то затейливой арабеске на ковре, показавшейся ей съедобной травкой.

Вся экспозиционная часть музея расположена в маленьком белом домике, стоящем в саду, и в громадном двухэтажном особняке с хрустальными окнами, чудесными потолками росписи ходящих и кокандских мастеров и лепными стенами. Однако, богатства музея не исчерпываются экспозиционной его частью; основой всей работы является фонд, едва ли не в 20 раз превосходящий общее число экспонированных вещей. Фонд музея делится на археологический — с ценными антропологическими и археологическими коллекциями и разделом нумизматики — и этнографический, где хранятся коллекции одежды, вышивок, ковров, оружия, посуды, украшений из серебра и золота, древних музыкальных инструментов, картин, сельскохозяйственных орудий, национальных игрушек, мебели, седел, табакерок (наскаду), золотошвейных вещей и множества других. Каждая коллекция насчитывает басно-

словное количество номеров, и стоимость всего этого „не вмещается в сосуд воображения и приблизительного счета“.

Из числа вспомогательных учреждений музея следует отметить библиотеку и фототеку его. Кроме того, в музее имеется отдел природы, нуждающийся, однако, в серьезных пополнениях и реконструкциях.

Популярность Самаркандского музея велика не только среди академических кругов, но и среди широких масс населения. Насколько такое утверждение обосновано, легко проверить по книге фондовых поступлений. Музею дарят множество вещей; во время войны было получено большое число драгоценных посылок с трофейными вещами, коллекциями немецких денег и марок, с фотографиями, образцами оружия, монет, медалей, орденов, аксессуаров немецкого обмундирования и т. п. нужных музею „говорящих“ предметов.

Искусство, говорил Ленин в беседе с Кларой Цеткин, „должно уходить своими глубочайшими корнями в самую толпу широких трудящихся масс. Оно должно быть понятно этим массам и любимо ими. Оно должно объединять чувство, мысль и волю этих масс, поднимать их“. „Открыть и сделать доступными для трудящихся все сокровища искусства“, — требовала коммунистическая партия на XV съезде 1919 года. Думается, что Самаркандский музей, являющийся серьезной научной базой и учреждением, ведущим большую культурно-просветительную работу, популяризируя все самое ценное, самое дорогое и значительное, созданное народом, вполне удовлетворяет этому требованию партии, прарительства и народа.

М. ВЛАДИМИРОВ

МАСТЕР АКВАРЕЛИ

Полвека назад приехал в Фергану Петр Максимович Никифоров, ныне известный не только в нашей республике, но и за ее пределами как талантливый мастер пейзажа и архитектурного этюда Средней Азии. Бывал он после этого на Украине, в Белоруссии, но больше всего ходил и ездил по городам и кишлакам нынешнего Узбекистана и смежных с ним районов Туркестана; он живо воспринимал мастерство строителей Коканда и Самарканда, великолепие природных красот Алайского хребта, стремительность бурных, пенящихся горных потоков, всматривался внимательными, видящими глазами в жизнь степей.

Художник ищет совершенное, благородное, возвышенное, умел находить его и поделиться с другими, сказать нищим дехканам, что жизнь безжалостно обделила их, что жить надо совсем по-другому. Его этюды как бы обретали дар речи, в них отчетливо слышался голос художника: оглянитесь вокруг, как хорош, как светел этот мир и как мало светлых красок в жизни единственного его хозяина — простого человека. Вот этюд „Нищие у подъезда к мазару“. На одном листе, лицом к лицу, в самом близком соседстве — вздыбленные скалы, которых коснулось золото первых лучей, озаренная солнцем, уходящая в высь дорога, крепкий ствол карагача, который легко держит на себе могучую шарообразную крону лиственного убора, и две людские фигуры в стороне, в тени, с протянутой рукой. Это был открытый вызов, который не оставлял места для двусмысленностей: протестовала сама природа. Наброски этого этюда Петр Максимович Никифоров сделал сорок лет назад...

С природой — величественной и простой — художник стал неразлучным другом. Эта вдохновенная любовь к природе обнаруживается не только в самобытных, свежих пейзажах Никифорова, но и в многочисленных архитектурных этюдах. Изображая памятники зодчества, художник почти непременно выбирает в качестве активного компонента живую природу: дышащие деревья, неуго-

мойный ручей, палящее солнце или закатный багрянец, а порою и соседнее ущелье, в котором, кажется, на глазах что-то еще перемещается, что-то стремится на свет, на простор. Архитектурные этюды Никифорова от такого приближения памятников старины к живой жизни приобретают особый художественный смысл.

Дружба с природой наблюдательного художника и тонкого мастера пейзажа — Никифорова отражена в десятках его работ, исполненных всякий раз с предельной убедительностью, без претензии на внешней эффект, а иногда такими скупыми красками, что кажется удивительным, каким образом этюд заговорил языком поэзии. Такова, например, акварель „Знойный полдень“ — внешне особенно сдержанная, но передающая настроение так же полно, как и акварели, воспроизводящие величавые горные ландшафты.

Большинство этюдов Никифорова сделано с натуры и едва ли не каждый снабжен точными сведениями о времени и месте, с которым он родственно связан. Это придаст работам художника конкретно-познавательную ценность, во многих случаях они — страницы истории, потому что, к примеру, открытая площадка, затерявшаяся среди шахимарданских гор и отмеченная художником на акварельном листе всего только десяток лет назад, теперь уже не та. Жизнь существенно подкорректировала пейзаж, и на этой самой площадке дерзновенно выросли среди гор капитальные здания одной из лучших здравниц Узбекистана. Голая степь, запечатленная художником близ Ферганы в 1926 году, покрылась крупнейшим фруктовым садом, питающим консервную промышленность республики. Это не один, и не два случая. Это поступь жизни. Это — красота созидания. Художник, если можно так выразиться, переиздает свои пейзажи, пишет их вторую страницу. Он показал шахимарданский санаторий, молодой рабочий городок у Кадамжайского ущелья, молодые многогектарные урючные сады.. Приходится только пожалеть, что еще очень немного из того, что связано с нашим великолепным сегодня, показано художником. И новый человек наш, подобно сказочному богатырю распрямивший плечи и сбросивший с себя неволю, великий труженик, которому как раз подстать могучая красота природы, тоже, к сожалению, не часто находит себя в работах Никифорова. И отраднo, что в последнее время П. М. Никифоров трактует современную тему чаще, чем делал это до сих пор. Творческие планы ближайшего будущего составляют из пейзажей, связанных с Большим Ферганским каналом, с преобразованием Ферганской долины в край, оснащенный передовой социалистической индустрией.

Нынешний год отмечен в творческой биографии Никифорова выдающимся событием: его акварели показывались в столице нашей родины — Москве. Две недели продолжалась выставка художника в Гослитиздате, и многочисленные посетители оставили о его творчестве теплые отзывы.

Художник Н. Ильин назвал акварели ферганского мастера поэтическими, а архитектор из Свердловска Антипин отметил высокую эмоциональность этюдов Никифорова и важное их значение

для истории архитектурного искусства. Поэт В. Луговской назвал пейзажи верными, прозрачными, благородными. „Большая любовь к стране, к ее природе, быту, искусству, — пишет В. Луговской, — делают акварели Петра Максимовича Никифорова исключительно ценными для понимания Узбекистана. Краски чудесны, глаз острый, внимательный“.

Лауреат Сталинской премии, автор проекта Дворца Советов, академик Иофан, близко познакомившийся с творчеством художника, отметил: „Собранный П. М. Никифоровым богатейший материал в виде акварелей рисунков, орнаментов, помимо его собственно художественной ценности, представляет огромный интерес для развития истории культуры и строительной техники узбекского народа и истории архитектуры всего Советского Союза. В частности, собрание орнаментов П. М. Никифорова может быть использовано при создании орнаментов Дворца Советов“.

Труд художника получил высокую оценку. Около 50 работ Никифорова приобретены Музеем восточных культур, Академией архитектуры, Государственным литературным издательством. До 30 его акварелей отобраны для готовящейся к изданию антологии узбекской поэзии.

Думается, что об этом признании лучше всего сказать словами самого Петра Максимовича Никифорова:

— Москва — центр всей советской культуры, — предоставила ферганскому художнику возможность рассказать о своей скромной работе. Это взволновало меня до глубины души. Я считаю для себя высшим счастьем показать черты необыкновенной и прекрасной страны нашей, в которой истинной красотой признан труд человека.

С. ЛИХОДЗИЕВСКИЙ

ПОЭТ-РЕВОЛЮЦИОНЕР¹

Посвященное А. М. Горькому стихотворение Лахути „Три капли“ в форме старинной притчи передает разговор трех капель: капли трудового пота, капли крови и капли „мурракаба“ (чернил). Капля пота говорит:

Прозрачна я, во мне и цвета нет,
Но, как звезда, я излучаю свет.
Во всем, что создал в мире человек
И будет создавать из века в век,
Не малая есть доля и моя, —
Людские все дела творю и я.
Я — самый дивный самоцвет.

В разговор вступает капля крови:

Я пламя, я булат, я солнца жар,
Я — кровь борцов, готовящих удар,
Чтобы заставить мир насилья пасть,
Чтобы вручить рабочим людям власть.

Признавая правоту собеседниц, соглашаясь с ними, капля черных чернил, в свою очередь, замечает, что поэзия призвана воспеть героические подвиги борьбы и труда:

Рабочую я наставляю рать,
Как надо бить, как надо побеждать.
Я — армия трудящихся всех стран,

¹ Лахути. „Избранное“. Под ред. К. Липскерова. Государственное издательство художественной литературы. Москва. 1946.

Я — нападение их на вражий стан.
Истица я и вместе с тем судья,
И обвинитель, и защитник я.
Я — крик отчаянья, я — стон мольбы.
Я — вдохновитель праведной борьбы.

(Перевод О. Румера)

Стихотворение утверждает нерасторжимый союз трех капель-собеседниц. Оно вместе с тем с небывалой полнотой определяет характер, тематику поэтического творчества Абулькасима Лахути и может рассматриваться как его поэтический манифест. Борьба за освобождение трудящихся из-под гнета капитализма, самоотверженный труд раскрепощенных социалистической революцией народов СССР и роль поэзии в освободительной борьбе человечества — таковы три главнейших проблемы, которые волнуют Абулькасима Лахути на протяжении всего его творческого пути.

Абулькасим Лахути, один из видных современных советских поэтов, родился в Керманшахе (Западный Иран) в 1887 году. Здесь, в Иране, и развертывалась его революционная и поэтическая деятельность. Жесткие репрессии реакционных иранских властей обрушились на широко популярного в народе поэта и революционера. С болью в сердце за судьбу своей поработанной родины, Лахути вынужден был покинуть Иран, чтобы испытанным оружием поэзии продолжать борьбу за освобождение стран Востока из-под гнета империалистов.

Первый раздел рецензируемой книги посвящен борющемуся Ирану. Наиболее ранние стихи помечены 1909 годом. Это поэтическая летопись народных движений: героической обороны Тавриза революционными отрядами во главе с Саттарханом в 1907-1909 гг. („Исполненное обещание“, „Край разорен“) и революционного похода на Тегеран (стихотворение „Два ордена“ из второго раздела книги), гилянской революции 1920-21 гг. („Смерть революционера“, „Шамсе Кесмаи“) и организованного Абулькасимом Лахути в 1921 году тавризского восстания („Пятнадцатилетие“ из второго раздела).

Замечательная газель „Край разорен“ (1909) направлена как против „гяуров“ — империалистов, так и против их иранских агентов — „муслимов“ — реакционеров:

Край разорен, — когда он снова расцветет, как сад, не знаю,
Муслим или гяур в его несчастье виноват, не знаю.
Твердят на разные лады все о любви к своей отчизне,
Но любят ли её, или только о любви кричат, не знаю.

(Перевод О. Румера)

Поэт клеймит отвернувшегося от народа визиря, бесчестного депутата-предателя, торгующий родиной меджлис.

Революционное мировоззрение поэта-борца определило прямоту и беспощадность его поэтических высказываний. Интересно, что эта газель была перепечатана демократической иранской печатью в период мощного демократического движения в 1942 году (т.е. через 33 года после ее написания) и имела широкий общественный резонанс, что свидетельствует о политической актуальности и художественной силе поэзии Лахути.

Революционным патриотизмом насыщена газель „О свет и ясность!..“ (1914), призывающая к борьбе против иностранных работодателей:

Востока солнце — ласковая мать,
Коварных много лишь детей Востока!
Ты, продающий недругу Восток,
Что, низкий, купишь ты ценой Востока?
Сплотись, родной народ, и поднимись
На чужеземных палачей Востока!

(Перевод Ш. Бану)

Ряд стихотворений рисует подневольную жизнь иранских трудящихся („Исаи, разносчик хвороста“, „Осел и седло“ и др.). Ведущей темой всего раздела является тема революционной борьбы, прославление революционера, отдающего жизнь за счастье народа. Реакция временно восторжествовала, но революционный оптимизм поэта-изгнанника неколебим. В „Ответе Ромену Роллану“ Лахути пишет:

Твое письмо, предвестник счастья,
дало моим желаньям крылья,
В его дыханьи я почувал
свободы ветер огневой,
Твой голос прозвучал трубкою,
провозгласившей день восстанья,
Чтоб революции дружины
бесстрашно устремились в бой.

(Перевод В. Левика).

С 1922 года Лахути живет в СССР. У нас он обрел свою вторую родину, и его поэзия обогащается пафосом социалистического строительства, идеями великой дружбы народов. Произведения, написанные в Советском Союзе, распределены по трем остальным разделам книги: второй раздел объединяет стихотворения довоенного периода, третий раздел посвящен периоду Великой Отечественной войны, в четвертом собраны поэмы.

Титаническая борьба советского народа за построение социализма определила тематическое богатство поэзии Лахути, прославляющего „счастливый путь, вернейший из путей, советский

путь трудящихся людей". Сталинская Конституция и оборона страны, индустриализация и колхозное строительство, дружба народов и социалистическое соревнование, покорение природы и расцвет социалистической культуры — эти существенные темы советской действительности нашли свое воплощение в поэзии Лахути. Созидательный труд героев социалистической промышленности и колхозов находится в центре внимания поэта. В поэме „Сила СССР“, звучащей как могучая торжественная симфония, читаем:

Захочет, — и молнию смело навьючит,
Потушит вулкан навсегда.
Послушен ей ветер, и служат ей тучи,
И волн ей покорна гряда.
Ты знаешь ли имя той силы могучей?
То сила людского труда!
И разум и воля той силе даны,
И слух у ней чуток и мысли ясны.
Глядит она зорко и действует смело
И все, что захочет, свершает умело.

(Перевод Ц. Бану.)

Благотворная, преобразующая сила идей Великой Октябрьской Социалистической революции особенно ярко раскрыта в произведениях, отражающих социалистическое строительство в советских республиках Востока — Таджикистане, Узбекистане, Азербайджане. В этом ряду находим поэмы „Корреспонденция“, „Железные ноги“, „Венец и знамя“, „Два ордена“, стихотворения: „Разговор двух городов“, „Пятнадцатилетие“, „Узбекистан“, „Мост через Бахш“, „Бадахшан“ и много других. Поэт рисует формирование социалистического сознания тружеников хлопковых полей, для которых труд стал делом чести, доблести и героизма и которые „иных лжеученых куда ясней социализма суть разглядели“.

Идеи советского патриотизма и защиты социалистического отечества от фашистского нашествия оплодотворяли поэзию Лахути периода Великой Отечественной войны. Здесь выделяются стихотворения: „Городу Ленина“, „Наказ узбекской матери“, „Сказание о Мардистане“ и „Победа Тани“.

На стихах Лахути всегда лежит печать творческого своеобразия. Оно сказывается не только в виде широкого использования популярных канонических форм восточной поэзии (газель, робойят и т. д.), но и в частом обращении к традиционному зачину восточного сказа. Так, стихотворение „Пахлаван Ошти“ начинается притчей о богатых Пахлаване Ошти, который выступает в роли проводника гостя своей матери. Будучи по своей натуре человеком добрым и миролюбивым, он тем не менее решительно расправляется со сбором негодяев, преградивших ему путь. Притча — исходный пункт для реализации основной идеи стихотворения:

Ты, Лениным воспитанный плетенец.
Ты сталинский прославленный боец,
Ты мысль мою, наверно, угадал,
Свое лицо ты в притче увидал.
Носитель чести, мира, правоты,
Приказу сердца ныне внимлешь ты.
Приказ гласит: „Меч на врага взнеси,
Свою страну от гибели спаси...“
Мать-родина сама зовет сейчас,
Чтоб ты ее от злодеяний спас.

(Перевод С. Шервинского).

Этот же прием использован и в других произведениях.

Особо важное значение приобретает поэма „Путешествие в Фарангистан“ (1935), передающая впечатления советского человека, посетившего европейскую капиталистическую страну и тревожа оценившего сущность буржуазной „цивилизации“, буржуазной „свободы“ и „равенства“. Абулькасим Лахути перекликается с лучшим поэтом советской эпохи Владимиром Маяковским, когда пишет:

И заблестел от гордости мой взор, —
Что я не жалок, не убог, не хвор,
Что мир свободы — родина моя,
Что в лучших благах утопаю я,
Что миллиардам женщин и мужчин
Надеждою — моей страны почин,
Что я наук, богатства властелин,
Что я страны советской гражданин.

(Перевод С. Шервинского)

Большевистская идейность и партийность отличают и те произведения Лахути, которые трактуют проблему „о месте поэта в рабочем строю“. Тема поэзии и поэта глубоко волнует Лахути — уже один перечень поэтов, которым адресованы стихотворения — послания Лахути, красноречиво свидетельствует об этом: народный поэт Белоруссии Янка Купала — („Октябрь и певец“), украинский поэт Павло Тычина („Павло Тычине“), казахский акын Джамбул („Джамбулу“), сказитель Ахмат Нучаев („Слепому сказителю Ахмату Нучаеву“). Сюда же следует присоединить стихи, посвященные классикам литературы народов СССР: „Счастливый Руставели“, „На берегу Днепра“ (о могиле Т. Шевченко). Есть, наконец, в книге Лахути особая поэма „Гора и зеркало“, призывающая поэтов к отражению в поэзии величественных подвигов советского народа, к раскрытию „смысла нового века“. Слиться с народом, жить его интересами, прославлять его героические дела, быть глубоко идейным и по-больше-

вистски принципиальным, учить, „как надо бить, как надо побеждать,“ — вот круг задач, стоящих перед советским поэтом. И эти требования Абулькасим Лахути с полным успехом реализует в своем поэтическом творчестве.

Книга „Избранное“ дает советскому читателю широкое представление о славном тридцатипятилетнем творческом пути Абулькасима Лахути, поэта-революционера. Произведения в книге расположены по хронологическому принципу. Отбор стихов следует признать вполне удачным: тематическая многогранность поэзии Лахути и жанровое разнообразие (от большой поэмы — до эпиграммы-экспромта) выгодно отличают книгу.

Переводы сделаны квалифицированными силами (С. Липкин, Ц. Бану, С. Шервинский, О. Румер, В. Левик, Г. Шенгели, Л. Пеньковский, К. Липскеров, А. Глоба, А. Кочетков, В. Лапин и З. Хацревин).

В заключение следует отметить общую высокую культуру издания.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Государственный гимн Узбекской Советской Социалистической Республики	1
А. Каххар. „Два чинара“. Роман. Продолжение. Перевел с узбекского Н. Ивашев	5
Рамз Бабаджанов, Дж. Шарипов, А. Мухтаров, Мирмухсин, Янгин Мирза, Шукурулла. Комсомол. Стихи. Перевела с узбекского С. Сомова	26
Содык Каландар. Мы на Урале. Повесть. Продолжение	31
Михаил Быкадоров. Однополчанину. Стихи	45
Тураб Тула. Весенние этюды. Перевел с узбекского Н. Ивашев	46
Шукурулла. Два стихотворения. Перевел с узбекского Мих. Быкадоров	61
Мирмухсин. Мальчику. Стихи. Перевел с узбекского Мих. Быкадоров	62
Янгин Мирза. Замира. Стихи. Перевел с узбекского Мих. Быкадоров	63
Ал. Шмаков. Молодые побег. Очерк	64

СТАТЬИ

К. Новоселова. Хранилище сокровищ культуры	68
М. Владимиров. Мастер акварели	78
С. Лиходзиевский. Поэт-революционер	81

**РЕДАККОЛЕГИЯ: М. АЙБЕК, В. В. ЕРШОВ, С. А. ЛЕВИТИНА,
В. А. ЛИПКО, С. А. МАЛЫТ, Т. САДЫКОВ, С. А. СОМОВА,
М. И. ШЕВЕРДИН (отв. редактор), М. ШЕЙХЗАДЭ.**

Адрес редакции: „Звезда Востока“: Ташкент, Первомайская, д. № 20.
Телефон 3-38-81

Подписано к печати 4/VI 1947 г. Печ. листов 5,5. изд. № Тираж 4000 экз.
Цена 5 р. Зак. 1187 Р 04623. Изд. № 407.

Типография изд-ва „Пр. Вост.“ и „Кзыл Узб.“, г. Ташкент, ул. Дзержинского, 8

Цена 5 руб.